

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Начну с цитат из работ о Тураеве, принадлежащих двум его ученикам, ставшим академиками.

«Б. А. Тураев был, вероятно, последним историком классического Востока, который мог обнять в своем широком синтезе историческое развитие всех стран древности и чувствовать себя авторитетом в оценке всех сторон их культуры»¹.

«Действительно, если как филолог, в области египтологии и абиссиноведения Б. А. Тураев входил в число крупнейших специалистов этих дисциплин, то как историк древнего Востока он не знал себе равного ни у нас, ни за рубежом». Монументальные «истории» создаются и сейчас, но над ними работают целые научные институты, а подчас — международные коллективы ученых. «Этот факт нас тем более должен поразить, что «Историю древнего Востока» Б. А. Тураев создал один, или, говоря словами одной древнеегипетской сказки («Сказки о потерпевшем кораблекрушение» — *О.Т.*), «имея спутником только собственное сердце»².

«Горячая любовь к родине, заставлявшая Б. А. Тураева относиться с такой заботливостью ко всякому достижению русской науки, делала ему близкой историю древнего Востока и историю Востока вообще. Он со всей четкостью сознавал, что «наше отечество находится с ним в еще более близких связях», чем Западная Европа. Он подчеркивает все значение византийской культуры, влияние которой «на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древневосточных культур, ведь и сама Византия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме»³. Поэтому Тураев, как и М. И. Ростовцев или С. А. Жебелев, считал своим долгом обращать особое внимание на памятники юга России. Естественно, его прежде всего интересовали египетские находки, на которые он быстро реагировал публикациями: «Скарабей с острова Березани», «Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий Бесов», «Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области», на французском языке «Египетские и египтизированные памятники, найденные на юге России» (Известия Археологической комиссии, вып. 40, СПб., 1911; вып. 45, СПб., 1912; вып. 49, СПб., 1913; *Revue Archéologique*, Paris, 1911, Sér. IV, t. XVIII).

К сожалению, Борис Александрович не написал ничего подобного «Предисловию к автонекрологу», предусмотрительно созданному его однокурсником и коллегой С. А. Жебелевым⁴ (кстати, В. К. Мальмберга, Н. П. Кондакова и Б. А. Тураева последний называет «люди моего круга и моих интересов, с которыми я поддерживал близкие связи»).

Путь в науку Тернистость обычная

Борис Александрович Тураев родился 24 июля (5 августа) 1868 г. в семье дворянина, титулярного советника в г. Новогрудок Минской губернии (Гродненской обл.). Он учился в Виленской гимназии, успехами особенно не блистал, правда сначала, в первой четверти przygotowательного класса, успел вкусить лавры первого ученика, а потом — второго (1877 г.). Во 2 классе интерес мальчика к учебе упал настолько, что он стал двенадцатым и даже получил две двойки на экзаменах. Но по истории — всегда «5», также хорошо удавались ему гео-

¹ Крачковский И. Предисловие // Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. Л., 1927. С. 1.

² Струве В. В. Б. А. Тураев — крупнейший историк древнего Востока // ВДИ, 1948, № 2. С. 75–83 (= Древний Восток. Сб. 2. М., 1980. С. 6–19). С. 77.

³ Там же.

⁴ Жебелев С. А. Предисловие к автонекрологу // ВДИ, 1993, № 2. С. 176.

графия и Закон божий, а языки — древние и новые — только «3» и «4»⁵. Как все-таки здорово, что великие люди отнюдь не всегда прекрасно учились в школе!

По свидетельству Е. Г. Кагарова, Тураев заинтересовался древностью в гимназии под влиянием курса Священной истории.⁶ В среде питерских египтологов бытовало другое предание, поведенное мне замечательным И. В. Виноградовым: маленького мальчика бабушка повела в Берлинский музей и там он увидел египетские памятники. Что ж, в превосходном вкусе мальчику не откажешь. Памятники долины Нила и магически влекущие иероглифы не раз пленяли юные сердца: одним из самых ярких их «пленников» стал дешифровавший древнеегипетское письмо Ж.-Ф. Шампольон, мальчиком увидевший коллекцию древностей Фуко, привезенную из египетского похода Наполеона. Берлинское собрание поразит кого угодно, но нельзя исключить, что первую искру интереса у маленького Тураева могла «зажечь» гораздо более скромная египетская коллекция Музея древностей при Вильневской Публичной библиотеке.

В 1891 г. Тураев закончил Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Университета. Сам Б. А. определяет себя так: «ученик О. Э. Лемма, затем Эрмана и других берлинских ученых, а также занимавшийся у Масперо»⁷. Обратим внимание на Учителей.

Оскар Эдуардович фон Лемм (1856–1918) родился в семье военного офицера и преподавателя в Петербурге. Закончив Александровский Лицей, в 1877 г. уехал в Германию, где учился в Лейпциге у проф. Эберса (известного широкой публике благодаря романам на древнеегипетскую тематику) и в Берлине у великого немецкого египтолога К. Р. Лепсиуса. В 1882 г. стал доктором философии, защитив в Лейпцигском университете диссертацию о ритуале Амона, но в дальнейшем, в связи с работой хранителя в Азиатском музее в Петербурге, занимался преимущественно коптскими текстами. В 1887 году Лемм впервые открыл на факультете восточных языков Петербургского университета курс египтологии (преподавал там по 1902 г.). Его перу принадлежат две первые учебные хрестоматии иероглифических текстов и многочисленные публикации коптских рукописей⁸.

Что, кроме конкретных знаний, Тураев мог унаследовать у Лемма? Интерес к религии древнего Египта и стремление максимально учесть научную литературу по любому вопросу? Вероятно. Общим было и то, что, пожалуй, филология как таковая, ее теоретические проблемы находились вне круга их главных интересов. Конечно, вовсе не обязательно видеть здесь прямое влияние учителя на ученика, возможно, эти качества были присущи им обоим. Оба были блестящими учеными с колоссальной эрудицией и именно их личные библиотеки стали основой одного из лучших в нашей стране собраний трудов по египтологии.

Кроме того, в известной степени они относятся к одной — немецкой — школе, правда к разным ее поколениям. Хотя, про Тураева язык не поворачивается так сказать, и уж если сболтнулось, то пусть остается так — с местоимением в одном предложении и именем Бориса Александровича в другом. Принадлежность к немецкой школе очень почетна — ведь она была лучшей тогда и остается одной из ведущих в мировой египтологии сейчас. Лемм там учился и защищался, а Тураев только стажировался в течение двух лет. Лемм много бывал за границей, активно переписывался с коллегами и только одну статью опубликовал на русском языке (правда, с Голенищевым и Тураевым он переписывался по-русски). Тураев, тоже выезжавший, но гораздо реже, прежде всего и намеренно писал на родном языке. Из составленного С. Д. Милибанд списка его трудов 155 — на русском и только 10 на европейских. Из-

⁵ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 1. Там, где должна быть подпись родителей, стоит: «К. Тураева» (Ксения Андреевна — мать Бориса Александровича).

⁶ Кагаров Е. Г. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914. С. 95.

⁷ Тураев Б. А. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. С. 14.

⁸ О преподавательской деятельности Лемма см.: Берлев О. Д., Грибов Р. А. Египтология и ассириология в Ленинградском университете // УЗЛГУ, 1960, № 236. С. 162–163. О его научной работе — Берлев О. Д. Египтология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 500–501; Еланская А. И. Коптология // Там же. С. 517–521.

данный в Лейпциге «Бог Тот», материалы к которому собирались за границей, был опубликован на русском языке, что не раз отмечалось друзьями и коллегами как потеря для мировой славы автора. Крупные египтологи, Г. Масперо и А. Гардинер, предлагали Б. А. Тураеву публиковать его работы, если он переведет их на европейские языки.

Тураев прежде всего думал о родине, ему была очевидна необходимость развития для России науки о древнем Востоке. Неоднократно с болью он пишет примерно следующее: «Следует признать, что для поднятия интереса к великим культурам древности у нас не делалось почти ничего. В то время, как англичане, французы, а за ними немцы, итальянцы и американцы не останавливались ни перед какими затратами сил, энергии и материальных средств для археологического исследования стран, где создались древнейшие человеческие цивилизации, [...] в то время, как западные и заатлантические музеи наполнялись памятниками Египта и Передней Азии, давая материал ученым и образовательные средства для общества, когда и правительства и частные организации поняли важность изучения Востока и всячески ему содействовали, а обширная научная и популярная литература шла навстречу как этим начинаниям, так и вызванному ими интересу общества, у нас, ближе всех лежащих к Востоку и территориально, и исторически, и культурно, об изучении Востока, особенно древнего, думали меньше всего — не было ни кафедр, ни оригинальной литературы, а потому долгое время не замечалось интереса к этой области знаний»⁹. Поэтому, для Тураева было так важно, что из «его аудитории вышло несколько молодых ученых, частью уже заявивших о себе учеными трудами и выступивших в качестве университетских преподавателей, например: И. М. Волков, В. В. Струве, А. Л. Коцейковский и др.»¹⁰ Он видел в них свою смену и радовался за поднимающуюся русскую науку.

Через 30 лет единственный оставшийся в живых из этих троих, уже академик, В. В. Струве писал: «В особенности ценной для русского читателя являлась та тщательность, с которой автор отмечал русскую литературу, не забывая при этом и небольшие статьи начинающих исследователей. Подобное упоминание и использование их в капитальном труде маститого ученого не могло не стимулировать их дальнейшей творческой работы»¹¹. «Столь же любовно Тураев отмечал все крупные исследовательские достижения своих собратьев по изучению древневосточных цивилизаций» (там же).

Особенно важным делом Тураев считал публикации переводов восточных текстов на русском языке. Один из ярких примеров дает переписка с И. Вайнбергом, переведившим эфиопские и амхарские рукописи. Тураев настаивал: «непременно русский», Вайнберг пытался спорить: «Доводов о том, насколько научная польза меньше при русском переводе, излагать не стоит», но безуспешно — «Так как перевод будет русским, то Ваш русский патриотизм, о котором Вы писали, получает полное удовлетворение»¹².

Долг отечественных ученых, согласно Тураеву, — публикации памятников из русских музеев. С присущей ему яркостью подобные идеи выражал в письмах Тураеву В. С. Голенищев, первый русский египтолог (1856–1947):

СПб, 15 июля 1913

«[...] Pfortner (кажется иезуитский попик), который имеет поползновение издать Эрмитажные плиты, и кажется, очень надеется заполучить московские. Необходим, мне кажется, отпор, так как лучше бы и Эрмитажные плиты приберечь кому-либо из молодых Ваших слушателей вместо того, чтоб отдавать их в руки иностранцев. Уж я по этому поводу беседовал с Василием Васильевичем Струве и он с готовностью взялся бы за это дело. Не знаю, как мне удастся предохранить себя от нашествия иноплеменных!»¹³

⁹ Тураев Б. А. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 9, 14.

¹¹ Струве В. В. Б. А. Тураев — крупнейший историк древнего Востока. С.77.

¹² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 347–356.

¹³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 158, л. 62.

В результате 1-й мировой войны в русском обществе нарастают антинемецкие настроения. Сохранился ответ М. А. Харузина В. М. Викентьеву от 4 декабря 1916 г. по поводу организации Общества по изучению древних культур:

«...Волкова я совсем не знаю, что касается Струве, то не совсем уверен может ли он сочувствовать идее общества идущего в курсе современной русской культурной и общественной жизни, т. е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке? [...]»¹⁴. Следовательно, эта борьба была актуальна.

Тураев никогда не выражал своих мыслей так прямо, как Голенищев или Харузин. Но будь Тураев «фрухтом» немецкой школы, с ним не был бы так дружен Голенищев, один из самых последовательных критиков этой школы, причем, как становится все более понятным, справедливым критиком. Тот самый светский и богатый Голенищев, уехавший из России в 1915 г. (кстати, в связи с необходимостью перемены климата из-за болезни жены-француженки), и проживший остаток своей долгой жизни в Ницце и Каире, всячески ратовал за развитие русской науки, о чем ярко свидетельствуют его письма к Тураеву. Голенищев, несомненно, очень любил Россию, но — счастливеец — мог это делать и вне ее. Тураев — увы — нет. Честно говоря, мне не удалось найти упоминаний других учеников Лемма, хотя он преподавал довольно долго. Впрочем, это не может квалифицировать его преподавательских качеств. В конце концов, дай Бог каждому такого ученика, как Тураев — можно считать свой долг исполненным и спокойно умереть на лаврах.

Может быть, формально наша школа восходит к Лемму, но не случайно уже современники признавали основателем русской науки о древнем Востоке именно Бориса Александровича Тураева. Полагаю, дело здесь не только в его любви к России, преподавательском таланте, но и в личных качествах. От всего, что связано с Тураевым исходит «свет невечерний». Он был абсолютно светлым, прекрасным человеком — поэтому к нему так тянулись молодые души.

Подозреваю, что несколько иным был Оскар Эдуардович. Примечательно, что в начале прошлого века большинство его статей было посвящено исправлению и дополнению публикаций коптских текстов Тураева, Эрмана, Штейндорфа и многих других, что дало повод крупному ученому В. Краму заметить: «предпочтительным занятием этого выдающегося коптолога было критиковать других»¹⁵. Впрочем, простите Борис Александрович, Ваши письма не позволяют предполагать дурное о Лемме.

Поэтому мне хотелось бы написать о Тураеве как удивительном человеке. Наверно, это странно, и даже как-то дико и нахально — для успеха в науке совсем не нужно быть «просто приличным человеком», скорее из карьерных соображений эффективнее быть совсем неприличным. Современники помыкаются, «побулькают» про гнусный характер, но останутся научные труды и определят вклад в историю. Я надеюсь на понимание, по крайней мере тех, кто имел счастье работать с архивными материалами как-либо связанными с именем Бориса Александровича. Они должны были видеть или хотя бы ощущать «свет невечерний». При этом буду стараться держаться не «чувств-с», а документов, однако не превратить при этом живого человека в мумию, пусть даже древнеегипетскую.

Конечно, когда пишешь об ученом, неизбежно обращение к его заслугам в избранной области знаний. Не могу сказать, что о Тураеве написано достаточно, но по крайней мере эта сторона его жизни рассмотрена полнее других — причем, корифеями нашей науки. Еще важнее, что о Тураеве они писали то, что думают, а не отвешивали щедрой горстью официально принятые пустые комплименты, руководствуясь юбилейной датой, политической «установкой» или высоким начальственным саном восхваляемого. Даже слегка приплясывая чечетку в пользу власти и критикуя Тураева как «типично буржуазного ученого», они признавали его великий талант и печатали его труды. Они были максимально честны — насколько это позволяли обстоятельства — память о Тураеве не позволяла им действовать ина-

¹⁴ Архив ГМИИ, ф. 36, оп. I, д. 421.

¹⁵ Еланская А.И. Коптология. С. 521, прим. 27.

че, хотя с политической точки зрения он был неподходящей фигурой для основателя отечественной школы.

Кто-то может сказать, что историки древностей не находятся на переднем крае науки, и их не актуальные штудии имеют чисто академический интерес. А Вам, уважаемый читатель, не кажется, что в России все находится на передовой? По жизни. Меня удивляет, что родившийся «в местах не столь отдаленных» питерский египтолог А. С. Четверухин, издавший недавно книгу ученика Тураева, А. Л. Коцейовского, с интересными приложениями и комментариями, полагает, что нашим ученым «не очень-то мешали заниматься проблемами религии и филологии. Не было желания «пробивать» эти темы и брать на себя ответственность за их исполнение»¹⁶. Почему же тогда вся советская наука — как один человек (а порой даже не человек, а пароход, гвоздь и т. д.) — бодро взялась за разработку социально-экономической проблематики и, кстати, достигла выдающихся результатов (труды В. В. Струве, Ю. Я. Перепелкина, О. Д. Берлева, Е. С. Богословского — мировой уровень нашей науки в этой проблематике). Все, что имело отношение к культуре, а тем более религия-опиум, объявлялось надстроечным, а стало быть второстепенным и всегда изучалось по остаточному принципу. М. А. Коростовцев отсидел за родину — получил право написать «Религию древнего Египта» и заниматься переводами художественной литературы. Посмотрите прежние университетские учебники истории: культура всегда в конце разделов, а в наиболее актуальных дисциплинах — новой и новейшей истории западных стран — настолько в конце, что исчезла из них вовсе. Я выросла в брежневскую эпоху в счастливой семье, почти нетронутой репрессиями (миленькое «почти»: дядя моего отца, авиаконструктор Д. Л. Томашевич отработал срок в шарашке, но вернулся и был реабилитирован). Мне, только поступившей в аспирантуру, было не вполне понятно, почему Юрий Яковлевич Перепелкин (1903–1982), крупнейший наш египтолог, советовал мне подчеркивать политическую историю культа богини Нейт, не сосредоточиваясь только на религиозных аспектах темы (это была тема моей кандидатской диссертации). Уже потом, работая в архивах, я стала понимать причины этих опасений. Они более, чем обоснованны. Спасибо предшественникам уже за то, что они выжили и египтология в нашей стране не угасла вовсе. А за нас стоит волноваться — наши современники печатают столько мусора под видом египтологии, что начинаешь тосковать о советской цензуре — там были дежурные слова о массах рабов, являющихся по мановению марксистской палочки-выручалочки на помощь бедному историку, и все знали, что ТАК НАДО.

Берлин — Мекка египтологов начала XX века

С летнего семестра 1893 г. (17 апреля – 15 августа) начинается стажировка Boris von Turaeff в Берлинском университете¹⁷. Он старается много успеть: список посещаемых им за первый год курсов насчитывает 11 дисциплин, показывающих широкий спектр его интересов. Дух захватывает от упоминания имен преподавателей — «звезд» первой величины в мировой египтологии. Конец XIX века ознаменовался началом расцвета берлинской школы, главным плодом которого стало создание Словаря древнеегипетского языка в 5 основных и 7 томах приложений. В зимний семестр (с 15 октября 1893 по 15 марта 1894) 5 из 11 курсов вел профессор Эрман («Египетская письменность и язык», «Иероглифические надписи Греко-римского времени», «Пояснения к жизнеописанию Синухета», «Коптская грамматика», «Упражнения по египетской истории»). Много времени Тураев посвящал языкам и истории Передней Азии. Третий для Тураева летний семестр с 16 апреля по 15 августа 1894 г. включал в себя чтение под руководством Эрмана древнеегипетских и коптских текстов и лекции по истории образования в Египте. Курс Винклера был посвящен только что найденным тель-амарнским письмам. Тураев занимался также сирийской и арабской грамматикой. По-

¹⁶ Тексты Пирамид. Под общ. ред. А. С. Четверухина, СПб., 2000. С. 366–368.

¹⁷ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 2, л. 1–4.

следний, четвертый зимний семестр (16 октября 1894 – 15 марта 1895) был менее насыщен лекциями: 3 курса у Эрмана (среднеегипетский, новоегипетский и коптский языки), продолжение телль-амарнских штудий и Винклера и совсем экзотические лекции о мексиканских древностях. Вот почему Тураеву удалось в своих работах охватить такой огромный географический регион древних цивилизаций — он действительно глубоко интересовался разными культурами. Сохранились конспекты слушанных им в Берлине лекций: «Ассиро-вавилонские древности» и «Пояснения ассиро-вавилонских надписей» Шрадера, «История Вавилонии и Ассирии» Лемана, «Введение в мексиканскую археологию» Зелера, «Новоегипетская грамматика» Эрмана, «Древнеегипетская археология» и «Коптская фонетика и диалекты» Штейндорфа¹⁸.

Из Берлина Тураев пишет своему учителю¹⁹.

Тураев — Лемму

25 апреля 93 г. [т.е. через неделю после приезда в Берлин — *О.Т.*]

Многоуважаемый Оскар Эдуардович!

Давно я собирался побеседовать с Вами, но решился доставить себе это удовольствие окончательно устроившись и войдя в колею. Теперь я почти покончил с переходным временем, а потому берусь за перо, чтобы поделиться с Вами своими впечатлениями.

По приезде в Берлин в конце Пасхальной недели мне пришлось по приисканию квартиры, в чем мне помог много здешний многоуважаемый протоирей [видимо, А. П. Мальцев — *О.Т.*], приняться за хлопоты и формальности, необходимые для получения права на жительство и обязательные для нас — русских — только. Эта возня с полицией самая тягостная для нашего брата, отняла у меня порядочно времени. Купив потом Verzeichnis [нем. «список», «указатель» — *О.Т.*], я нашел там массу курсов, для меня крайне важных. Бругш читает географию Египта и демотику, Эрман — Тексты пирамид и объясняет памятники музея, Штейндорф — коптские папирусы и *Archaeologische Übungen* [«Археологические штудии» — *О.Т.*] в музее, Шрадер — ассирийские древности, ассирийские надписи и эфиопские языки и мн. др. Такая масса интересных вещей и притом на первый раз! При свидании с Эрманом, который, замечу кстати, просит передать Вам поклон, я завел речь и об этом. Он отнюдь не советует слушать демотики, я послушался его, не записался и не был на первых лекциях и теперь, пожалуй, жалею. Ведь Бругша слушать значит слушать самого основателя науки, а это не часто приходится. Конечно, было бы лучше для меня слушать его в одном из следующих семестров, но будет ли он читать? Географию он читает, к сожалению, только раз в неделю; слушать его просто наслаждение. Шрадер — потешный старик, очень напоминающий Ф. Ф. Соколова. Ассирийские надписи у него я читаю вдвоем с одним тюрингентцем, на эфиопский ходит к нему человек пять; он читает с азов. У Штейндорфа мы переводим пока 5-й контракт из 8-го выпуска *Etude egyptologique*. А затем будем заниматься палеографией по сборнику Стотюрта, а потом читать острака и др. Он же читает лекции над результатами раскопок Флиндерса Питри. Кроме того я счел необходимым для себя послушать и ассирийский Anfängerkursus [«Начальный курс» — *О.Т.*] у Винклера, слушаю также у Штрака объяснение книги Левит.

В общем однако, следует заметить, что здесь господствует сильное поклонение грамматике и она разрабатывается до мелочей; жаль, что Эрман не читает в этот Semester [«семестр» — *О.Т.*]. Старик Дильман читает очень важные, но недоступные для кармана курсы: объяснение Псалмов (5 раз) и историю Жидов (5 раз); на последний курс я иногда захожу, но нового пока слышал мало. Пока еще я все-таки чувствую себя не совсем по себе: у меня на плечах несколько спешных работ и я еще никак не могу за них присесть; *особенно меня беспокоит диссертация, я решился в конце семестра серьезно взяться за нее, посоветовавшись предварительно с профессорами.* (выделено мною — *О.Т.*).

¹⁸ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 93–95.

¹⁹ Письма Тураева Лемму хранятся в Архиве ИВАН, ф. 35, оп. 2, № 26. Их копии были любезно переданы мне А.А.Вигасиным, за что я искренне ему очень благодарна.

Теперь, многоуважаемый Оскар Эдуардович, осмелюсь еще раз обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, Вы были так добры принять в Музей наш жестяной столб с документами; покорнейше прошу Вас приклеить к нему для памяти ярлык с надписью: «документы (имя рец.)».

С истинным почтением, остаюсь уважающий Вас ученик
Б. Тураев.

Тураев – Лемму

Берлин, 14 авг. 1893 г.

Многоуважаемый Оскар Эдуардович!

Вот уже прошел первый семестр моего берлинского студенчества. Современное состояние востоковедения, и, особенно египтологии решительно требуют, чтобы он не был последним. Накопившийся за последние годы материал дал возможность обратить внимание на детали, и следовательно, поставить науку на более твердую почву. Берлинские ученые в этом отношении, несомненно, первенствуют, а потому чем больше быть под их руководством, тем, конечно, лучше. Жаль только, что Штейндорф оставил Берлин. Этот ученый обладал замечательной педагогической опытностью и умел дать многое в немногие часы. Его археологические занятия велись очень умело и принесли большую пользу. Кроме того, он научил нас читать коптские рукописи и дал нам сжатый, но законченный курс коптской фонетики и диалектологии, которые он впервые разработал. У Эрмана в конце семестра мы прочли несколько туринских папирусов; в будущем семестре он объявил историю Синухе, тексты времен Птолемея и исторические упражнения. У Винклера мы читали изданные им надписи Тиглатпаласара I. Жаль, что этот ученый старается прочесть как можно больше: читает всегда сам, не обращает особенного внимания на формы и корни, последнее особенно важно в ассирийском языке, не имеющем своего лексикона. Что касается эфиопского, то я нашел этот язык вовсе не таким трудным, каким я его себе представлял. Со шрифтом и грамматикой мы у Шрадера справились скоро и перешли к чтению текстов у Преториуса. Летом, чтобы не забыть, я продолжаю читать из хрестоматии Дильмана. Кроме того, мы с Dr. Joachim (переводчиком рар. Ebers [папируса Эберса — *O.T.*]) работаем в музее над коптскими остраками. Вообще я, против ожидания, попал в очень важную компанию, до которой я вовсе не дорос; со мной вместе слушают такие господа, как д-р Иоахим, д-р Шпигельберг, д-р мед. Кестер (уже седой) и американец Брестед, пишущий диссертацию о гимнах в честь солнца. В музее я часто вижу с д-р Вуитом, д-р Зете и другими светилами египтологии. Как поживаете Вы, Оскар Эдуардович? Как идут Ваши плодотворные занятия в Музее и Университете? Мне бы очень приятно было получить от Вас несколько строк. Смее надеяться, что Вы не откажете в них искренно преданному своему ученику.

Б. Тураев.

Тураев — Лемму

25 января 95 г.

Многоуважаемый Оскар Эдуардович!

На этот раз осмеливаюсь обратиться к Вам с двумя покорнейшими просьбами. В марте истекает срок моей командировки, но я пока нахожу для себя возможным и полезным остаться за границей месяца на 3–4, и, вероятно, недели через 3 выеду из Берлина в Италию и, потом, в Париж. Не желая таскать за собой массы приобретенных мной книг, я был бы очень благодарен, если бы Вы мне позволили отправить их теперь на имя Азиатского Музея. Это удобно и в том отношении, что если я повезу их домой с собой, то на границе меня замучат цензоры. Хотя у меня решительно нет ничего «нецензурного», но все-таки желательно избежать и самого факта осмотра, если это возможно, да и притом таскать с собой библиотеку по всей Европе — прямо-таки невозможно. В виду всего этого я бы покорнейше просил Вас разрешить мне переслать ее к Вам, причем я со своей стороны, с полной готовностью и удовольствием предоставляю ее в Ваше распоряжение до времени моего возвращения. Кро-

ме того, мне было бы интересно, каким способом должен я отправить, чтобы было менее хлопот от получения. Затем другая просьба. Меня просил один ксендз, занимающийся восточными языками, приобрести в России некоторые армянские книги.

Остаюсь искренне преданный Вам
Б. Тураев.

На визитной карточке Эрман называет его «усердным молодым египтологом»²⁰. Действительно, похоже Тураев полностью погрузился в науку. Один из друзей писал ему в Берлин: «Вы, слышал я от Жебелева, просиживаете с 8 утра до 8 вечера в Университетской аудитории — я считаю это излишним прилежанием и осмеливаюсь Вас отвлечь от глубокой египетской премудрости, прося покорно черкнуть мне»²¹.

Берлинские письма Тураева, а позднее и его учеников пестрят именем Эрмана (1854–1937). Ничего удивительного — создатель знаменитой берлинской школы был удивительным ученым. Авторы современного справочника «Кто был кто в египтологии» справедливо отмечают, что все, кто сейчас изучает древнеегипетский язык, в определенном смысле — ученики Эрмана. Тематика работ Эрмана удивительно широка — от повседневной жизни в долине Нила до публикаций коптских текстов. Но главные его достижения лежат в области изучения древнеегипетского языка. Его грамматики и возглавленная им работа по составлению Большого берлинского словаря — вот что вошло в золотой фонд науки. Еще в 1905 г. он опубликовал монографию по древнеегипетской религии, поэтому консультации с ним по теме диссертации наверняка интересовали Тураева, называющего Эрмана одним из своих учителей...

По случаю «Тота» и женитьбы — поздравления от 9.12.1898г. Эрмана из Египта, где он работал над Словарем, а Шефер копает в Абусире солнечный храм Ниусерра (последнее написано торопливыми иероглифами) — называет Тураева «Дорогой коллега и приписывает: «хотя я ленив в писании писем, но часто думаю о русском коллеге»²². Эрман и потом писал Тураеву — чаще открытки²³ (он жил тогда на южной окраине Берлина — теперь, скорее, почти центр города — в районе Anhalter Bahnhof). Будучи на Конгрессе историков в Берлине в 1908 г. Тураев с супругой удостоились приглашения к Эрману домой. Именно Эрман пишет некролог своего безвременно ушедшего ученика.²⁴

В Берлине у Тураева был знакомый протоирей А. П. Мальцев (Берлин-Тегель, Братское кладбище и церковь, казначей — Tegeler Landstrasse, Russischer Friedhof)²⁵.

Другой ученый, которого Тураев называет своим учителем — Гастон Масперо (1846–1916), великий французский египтолог, один из лучших директоров Службы древностей и Египетского музея в Каире за всю историю их существования, положивший начало Генеральному каталогу памятников музея. Следует подчеркнуть, что для Тураева очень много значили революционные статьи Масперо по истории древнеегипетской религии: именно Масперо впервые показал, что она развивалась на протяжении немислимо длительной истории страны. В 1913 г. очень ласковое письмо прислал из Парижа, принявший в печать заметку Тураева. Очень трогательно он пишет, что просил одного из своих друзей, знающего «Ваш прекрасный язык», перевести брошюры Тураева, и добавляет, что, если Тураев переведет их на французский или английский, то их напечатают в *Recueil de travaux*²⁶. В 1916 году Тураев пишет некролог — Масперо был сражен гибелью его талантливого сына в 1915 г. на

²⁰ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 21.

²¹ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 25.

²² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 18–19.

²³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 20–23, 386–387, 391, 398–9.

²⁴ JEA 1921, 7. P. 109.

²⁵ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 13.

²⁶ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 385–386, также от Масперо — л. 131.

полях 1-й мировой войны. В Бухенвальде, за 2 недели до конца 2-й погибнет другой его сын, ставший известным китаистом...

Троих своих «многоуважаемых учителей» и В. С. Голенищева Тураев благодарит в предисловии к своей диссертации.

Да будет Тот его щитом

Тема диссертации определилась в Британском музее — там Тураев нашел неизданный Гимн Тоту.

Принцип, сформулированный в первом предложении Введения и положенный в основу диссертации, оставался для Тураева неизменным всю жизнь: «Источниками нашей работы должно служить все, что для нас сохранилось от древнеегипетской культуры, будь это произведения письменности или вещественные памятники». Для Тураева это не осталось парадным заявлением — он потому и стал великим историком, что умел из крошечных кусочков давно разбитого и перемешанного тысячелетиями прошлого составлять удивительную мозаику строго научных реконструкций и оживлять их своей любовью и человечностью. Счастье, что читая его работы мы можем приобщиться к его великому учительству, почувствовать то, что видели и слышали его ученики в залах Музея Изящных искусств.

Струве : «В Главе дис. «Тот в ис-ве» автор настолько исчерпывающе изучил иконографию исследуемого им божества, что мы не находим ничего подобного ни в одной из монографий, посвященных другим представителям древнеегипетского пантеона» (1948, с. 79). Диссертация напечатана в количестве 2 тыс. экз. на русском языке (всегда за русский!).

«Б. А. Тураев включал в орбиту своего внимания труды и тех великих русских ученых, которые не являлись востоковедами в строгом смысле этого слова. Так, в своей магистерской дисс., посв. ег. б. Т., он считал «необходимым упомянуть, что наша русская наука имеет полное право гордиться блестящей попыткой разобраться в вопросе о переживаниях Тота в христианской литературе» (ИДВ, 1, с. 5) и что эта попытка принадлежит А. Н. Веселовскому (Струве. 1948 № 2, с. 77)

Тураев – Лемму

Многоуважаемый Оскар Эдуардович!

[...] и Вы имели успех во всех Ваших предприятиях, которые обещают для науки так много. Ваше непредвиденное отсутствие повлекло за собой у нас невероятную путаницу: в Азиатском музее никто не может ничего найти: я не в состоянии удовлетворить многих требований, Карл Германович тоже пасует. С другой стороны, я не знаю, *стоит ли мне спешить с диссертацией* (выделено мною — *О.Т.*): ведь все равно в этот сезон нельзя с ней закончить — некому составить отзыв. Она у меня почти готова, осталось обработать и переписать главу о култе и кое-где сделать поправки и дополнения; всего наберется 8–10 печатных листов, да листа 4 приложений; напечатать можно месяца в три, а раньше мая Вы не вернетесь. Не знаю, стоит ли торопиться. Эфиопское печатание подвигается безбожно медленно всего еле-еле готово 4 листа, а всех будет 10 [...] Кстати, по поводу эфиопского. У меня пришла в голову мысль, не начать ли этой работой серии Библиотека копто-эфиопика петрополитана. Ваши Виктор, Триадон, Александр и Апокалипсис могли бы составить последующие выпуски, затем я обработал бы какие-нибудь литургические вещи, Болотова засадили бы за интересующий его эфиопский синаксарий, наконец, сделав дозволенными все языки, можно было бы привлечь иностранных ученых [...] Я покорнейше просил бы Вас, если будете во Флоренции, снять для меня кальку с маленькой известняковой шеггиа № 1802 (по каталогу Скиапарелли, стр. 512), где изображен жид в ногах у Тота. Надпись у меня есть, но интересно и самое изображение [...]

Покорнейше прошу не забывать искренно преданного Вам Вашего ученика.

Интересно свидетельство И. Волкова (к сожалению, как и многие его письма, это послание из Берлина Тураеву не датировано, но может относиться к 1912 году).

«Ксендз Бойль, пишущий о Тоте, опять приехал в Берлин. Из Вашей работы он, по моему убеждению, черпает полную горстью: и сам кое-как читает, и г-жа Флиттнер ему в свое время переводила, и я теперь нередко перевожу. Но, как кажется мне, он в конце концов схитрит по-ксендзовски и едва ли должным образом отблагодарит в печати Вас как автора «Бога Тота». Он в последнее время начинает делать вид, что вследствие почти полного незнания русского языка, Ваша работа остается для него будто бы совсем недоступной для использования. Этим он хочет дать понять, что в выборе материала и обработке его он ничем не обязан Вашему «Богу Тоту». Мне даже досадно становится при мысли, что Ваша работа не переведена на немецкий язык. [...]

(Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 17).

Вероятно, Волков имеет в виду Патрика Бойлена, опубликовавшего в 1922 г. книгу о Тоте²⁷. К сожалению, об этом авторе больше ничего неизвестно — во всяком случае, справочник «Кто был кто в египтологии» о нем ничего не сообщает.

В чем, к сожалению, оказался прав Волков — в мировой историографии книга Тураева, в отличие от Бойлена, почти не упоминается.

Копия выданного ему диплома содержит следующий текст:

«Имеющий диплом первой степени Историко-филологической испытательной Комиссии при Императорском Санкт-Петербургском Университете 1890 года от 22 ноября за № 10541 Борис Александрович Тураев, православного исповедания, по выдержании установленного испытания и публичном защищении 9 мая 1898 года в Санкт-Петербургском Университете диссертации, под заглавием: «Бог Тот», удостоен Историко-филологическим факультетом сего Университета ученой степени магистра всеобщей истории, а по защищении в том же Университете 17 ноября 1902 г. диссертации, под заглавием: «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии» удостоен ученой степени доктора всеобщей истории и утвержден в сих степенях Советом Императорского Санкт-Петербургского Университета в заседаниях 20 мая 1898 г. и 21 дек. 1902 г.»²⁸. Вторую диссертацию Тураев посвящает В. В. Болотову, с которым консультировался по чтению древне-эфиопских текстов (их язык — геэз — был изучен Тураевым самостоятельно, отчасти он занимался им в Берлине у Шрадера). По мнению одного из его учеников, И. Ю. Крачковского, «эта монография окончательно выдвинула Тураева в первый ряд европейских эфиопистов, а в области агиологической литературы он был признан бесспорно первым знатоком»²⁹

23 августа 1898 г. Тураев венчался в Знаменской церкви села Богородское-Мневичи Тверской епархии³⁰. Счастливая избранница — дочь тайного советника Елена Филимоновна Церетели. Возможно, молодые люди познакомились благодаря брату Е. Ф. — в дальнейшем известном папирологу Г. Ф. Церетели. (Тураев — тогда коллежский секретарь).

Всё на алтарь веры и науки

Как справедливо заметил О. Д. Берлев, творчество ученого с трудом поддается какой-либо периодизации. Тураев обладал колоссальной работоспособностью и практически одновременно писал статьи по широкому спектру тем, успевая, кроме своих трудов, реагировать на новые издания и давать всяческие рецензии и отзывы. Обширность его научного наследия противоречит краткости его жизни, причем, надо учесть, что в юности Тураев не спешил печататься и явно тянул с публикацией «Бога Тота» (первые работы датируются 1893 г. — ему было 25 лет).

²⁷ Boylan P. Thoth, the Hermes of Egypt. Oxf., 1922.

²⁸ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 3.

²⁹ Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955. С. 106.

³⁰ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 4.

Для Тураева чрезвычайно характерна постоянная жгучая жажда знаний. Он не прекращал учиться всю жизнь. Не особенно интересуясь чистой филологией, он, прекрасно осознавая необходимость владения языками письменных источников, стремился расширить свои знания в этой области. Он читал разные египетские тексты, обнимающие период более 3 тысяч лет (попробуйте прочесть древнерусскую надпись — а ведь только одна тысяча лет миновала). Последние 10 лет самостоятельно изучал демотику — позднеегипетский курсив. Думал даже о санскрите! Еще в Берлине он учил клинопись, поэтому история обширного региона Передней Азии была для него открыта. Вышедшая в 1903 г. (СПб.) обстоятельная работа «Остатки финикийской литературы» с переводами фрагментов из классических авторов Филона Библского и Дамаския демонстрирует его владение древнееврейским и другими языками. Конечно, в настоящее время наука ушла вперед, и какие-то филологические интерпретации Тураева устарели, однако у него было такое понимание «духа языка», памятника в целом, что его труды стали подлинно классическими. Примечательно, что именно эту работу Тураева такой крупный ученый как В. В. Бартольд охарактеризовал в 1925 г. как «неудачную попытку», однако раскопки в Рас-Шамре уже в конце 20-х показали справедливость утверждений Тураева, явив миру оригинальные памятники той самой финикийской литературы, которые реконструировал Тураев!

Самостоятельно Тураев изучил основы древнеэфиопского языка геэз и усовершенствовал эти знания благодаря общению с В. В. Болотовым.

Как и В. С. Голенищев, ставя во главу угла письменные источники, Тураев с тем же талантом исследовал археологические памятники. Таких мастеров, как Струве, поражало умение Тураева «сделать выводы из немногочисленных разрозненных, плохо сохранившихся источников, а также его способность сопоставлять свидетельства греческих историков с данными древневосточных текстов» (Струве, 1948 № 2, с. 80). Не раз отмечалась в литературе острая интуиция, проявленная Тураевым во многих вопросах (финикийская литература, значение хеттского государства, действительность пунической культуры). (Там же.)

Его стремление к самобытности: один из немногих противостоял модному панвавилонизму, его не смутили головокружительные успехи раскопок в Месопотамии, он отстаивал равноценность культуры Египта, утверждал, что религия Израиля не зависит целиком от Вавилона, а пророческое движение — новое на древнем Востоке и оно способствовало тому, что иудейский народ пережил гибель древневосточного мира.

Главный труд Тураева — монументальная «История древнего Востока» — связан с его преподавательской деятельностью и «вырос» из литографированного курса лекций по истории древнего Востока (он начал их читать в 1896 г. в статусе приват-доцента). Впервые двухтомная работа была опубликована студенческим издательским комитетом в 1911 г., а затем переиздана в расширенном виде и с иллюстрациями в 1913 г. Последнее издание в 1916 г. было удостоено золотой медали Русского археологического общества.

Верно писали его ученики в предисловии к издаваемому ими в 1924 году, но подготовленному Тураевым еще в роковом 1917 «Классическому Востоку»: «Вполне понятно, что столь всеобъемлющий труд [...] был трудом жизни Б. А., плодом бесчисленных часов упорной и творческой научной мысли, вечным спутником дней его научной деятельности. Вся предшествующая работа его сводилась к подготовке этого классического памятника исторической мысли. Многочисленные издания древневосточных предметов и текстов русских и иностранных музеев, специальные исследования, крупные монографии, магистерская диссертация, университетские курсы и даже такой монументальный труд, как «Египетская литература» — они все являлись как бы ручейками, речками, реками, которые вливались в глубокий водоем величавого потока исторической мысли, обнимающего в своем течении все страны и эпохи классического Востока и все стороны его многогранной культуры»³¹.

³¹ Струве В., Флиттнер Н. Предисловие // Тураев Б.А. Классический Восток. Т. I. Л., 1924. С. 8.

К сожалению, из планируемых трех томов «Классического Востока» свет увидел тогда только 1-й, и понадобилось еще 10 лет чтобы старания Струве опубликовать работу Тураева увенчались успехом.

Значительным событием в отечественной науке стало предпринятое в 1935 г. В. В. Струве и И. Л. Снегиревым переиздание замечательного труда Б. А. Тураева «История древнего Востока».³²

Публикация коллекций: Этнографический музей АН, Музей Русского Археологического Общества, Музей Духовной Академии в Киеве, Музей Археологического института; провинциальные музеи: Варшава, Вильно, Казань, Киев, Миттава, Одесса, Ревель, Харьков, Юрьев; частные коллекции: С. А. Строганова, А. А. Пальникова, М. С. Кутарги, М. П. Боткина, С. С. Абамелек-Лазарева, Н. П. Лихачева, Засецкой.

Как редактор сотрудничал во Всемирной литературе. Около 200 книг, статей, рецензий, около 400 заметок для энциклопедий.

Обширна научная переписка Б. А. Тураева, причем многие его респонденты — не только коллеги, но и друзья. Прелестна переписка с В. С. Голенищевым: живая, яркая, с древнеегипетскими иероглифами. Много писем от И. В. Цветаева, С. А. Жебелева, И. Г. Франк-Каменецкого, Е. Г. Кагарова, В. К. Шилейко. Есть послания В. В. Болотова, О. Э. Лемма, Н. П. Лихачева, Н. Я. Марра, В. В. Розанова, М. М. Ростовцева, М. М. Хвостова. Целые связки писем от учеников: Т. Н. Бороздиной, В. М. Викентьева, И. М. Волкова, А. Л. Коцейовского, В. В. Струве.

В архиве Тураева есть также открытки и письма от многих известных европейских и американских египтологов: Дж. Аллена, У. Баджа, К. Бецоляда, Фр. фон Биссинга, Дж. Брестеда, В. Врежинского, Г. Грапова, Ф. Л. Гриффиса (славит военные действия русских в 1-ю мировую войну — письмо датировано 11 сент. 1914 г.), Ж. Капара (с приглашением на свадьбу!), У. Крама, Л. Кребс, Г. Масперо, Г. Мёллера, Г. Редера, В. Шпигельберга, В. Эрмана.

23 марта 1917 г. датировано послание от А. Гардинера, автора классической грамматики среднеегипетского языка, с благодарностью за присылку статьи в «Журнал египетской археологии» (The Inscription upon the lower Part of a naophorous Statue in my Collection // Journal of Egyptian Archaeology, London, 1917, vol. IV. P. 119–121). Гардинер просит сделать копию иероглифических текстов, хвалит перевод Тураева и пишет: «Все мы здесь, в Англии, с величайшим интересом читаем о последних событиях в России, и никогда не было столь сильного чувства симпатии к русским людям, которым мы желаем эру обновленного процветания и счастья»³³. Думаю, это не дежурные приятные фразы: Гардинер в июле 1912 был в Петербурге, гдезнакомился с эрмитажными папирусами и так увлекся ими, что не доехал до Москвы. К нему был очень расположен В. С. Голенищев³⁴.

*Светильник, который светил всем,
«иже во храмине суть»*

³² Берлев О. Д. Египтология. С. 503, прим. 13.

³³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 146.

³⁴ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 54. Именно Гардинеру Голенищев отдал для публикации уникальный «Словник Аменемопе» из своей коллекции. Вот что просит В. С. Голенищев Тураева 10 июля 1913 г.: «[...] Недавно получил письмо от Гардинера, который пишет, что в конце авг. или сент. (вероятно, нового стиля) он собирается приехать в Петербург и Москву. Если Вам случится в это время быть в Москве, прошу Вас очень, приласкайте его в Музее: он хороший и очень знающий человек, джентльмен, и никогда не злоупотребит Вашим доверием, если, например, Вы ему дадите что-либо списать и вместе с тем попросите его не публиковать списанного. Я уверен, что он Вам очень понравится, и Вы охотно побеседуете с ним о всевозможных египтологических вопросах». — Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 75–76. В этом же письме Голенищев пишет о болезни жены — именно она была одной из главных причин его эмиграции (а также разорение). Боюсь, мои современники модернизируют ситуацию, полагая, что Голенищев «сориентировался». Даже куда более «ориентированный по жизни» В. М. Викентьев остался в Каире прежде всего по научным причинам, как, надеюсь мне удалось показать.

С 1896 Б. А. Тураев открыл курс египтологии на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Для него была создана первая в России кафедра истории древнего Востока. Так и оставшаяся единственной. При его участии было налажено преподавание древнеэфиопского языка — геэз. Сам всегда стремившийся изучить новый язык, Б. А. всячески способствовал в этом своим студентам. Принципом его методики было как можно быстрее переходить к изучению текстов, чтобы уже на практике «шлифовать» грамматику. По собственному опыту преподавания древнеегипетского языка знаю, что для студентов-историков подобная метода действительно эффективна.

Очень быстро вокруг Тураева образуется круг учеников. Многие из них — вероятно, по его же совету и протекции — едут на стажировку в Берлин.

Похоже, первой была Н. Д. Флиттнер (1879–1957). По окончании в 1904 г. Высших Женских Курсов в Москве она в 1905–1909 гг. училась у Тураева в Петербургском Университете, а затем несколько летних семестров в Берлине у А. Эрмана, Э. Мейера и Г. Шефера (1909, 1912–1914). Первая женщина в России, которая стала изучать древний Восток, проф. Флиттнер с 1919 г. до конца жизни работала в Отделе древнего Востока Эрмитажа.

Потом в Германию направляется еще один москвич, судьба которого любопытна, но в советское время его почти не вспоминали. Владимир Михайлович Викентьев (1882–1960), с 1915 г. хранитель Восточной коллекции Исторического музея, в 1922 г. командированный за границу и в силу разных обстоятельств оставшийся в Египте, где и умер уже профессором Каирского Университета³⁵. В письме от 8 июня 1910 г. к создателю Музея Изыщных Искусств проф. И. В. Цветаеву Викентьев рассказывает о своей стажировке:

«Тем что я поехал в Берлин к проф. Эрману, я обязан указаниям милейшего проф. Тураева, который искренно был ласков и внимателен ко мне, зная что послали меня к нему Вы, многоуважаемый Иван Владимирович. Позвольте же Вас за это сердечно поблагодарить и выразить надежду, что по возвращении в Москву, я окажусь Вам полезным...»

(Архив ГМИИ, Ф. 6, оп. I, д. 447).

И. В. Цветаев отвечает ему 1 июня 1910:

«[...] Я слышал про Эрмана, что это не только ученнейший профессор, но и добрейший человек и опытнейший руководитель студентов египтологии. Б. А. Тураев от него в восторге, впрочем это - сам святой человек и чистое из чистых сердец, так безповоротно к себе привлекающее. [...]

Пример несравненного знатока этой области, удивляющего своим искусством читать иероглифы и переводить эти тексты на памятниках египетской жизни с Всеобщей первого взгляда, прямо на месте, этот пример русского самоучки, доктора истории Тураева, да будет перед Вами. И желаю Вам достичь того же совершенства [...]».

(Архив ГМИИ, ф. 36, оп. I, д. 422).

12 июня 1910

Дорогой Владимир Михайлович

Простите, что долго не отвечал Вам, виноваты в этом мои глаза, которыми болею уже более двух недель. Мне было приятно за Вас, хотя и каюсь, немного завидно узнать как Вы устроились в Берлине.

Занятия у Эрмана, переводы — все это превосходно, напишите подробнее, что Вы сделали, делаете и думаете сделать.

Я как академический Антей твердо упершись в университетскую почву свершил необычные подвиги, сдал целых 4 зачета. Теперь нахожусь в деревне, но увы сельская пастораль моя, пока ограничивается кашлем, воспалением глаз и насморком. Когда излечусь от всех болезней, буду почитать книжки (достал кое-что Делича, Масперо, Биссинга ([...] и т. п.), заниматься по-немецки (Э. Мейер) и наконец на вольном воздухе проходить санскрит. По сему поводу у меня к Вам просьба. Вы меня очень обяжете ежели узнаете и запишите все

³⁵ Томашевич О. В. Слово о Владимире Викентьеве // Древний Египет. Язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999. С. 255–285.

касающееся индийских курсов в Берлине (а также приобретете дешевый словарь санскрита (а также и курс?). Творчество мое пока ограничилось тем, что я зарисовал около десятка портретов моих воображаемых предков, скоро думаю опять начать пачкать бумагу, как Ваше самочувствие, рисование и вообще все не «академическое». Ежели надумаете писать то по след. адресу Московск. губ. Руза. до востр. Б. А. Тур. Когда приложите и свой. Всего хор.

Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф. 36, оп. I, д. 395)

Поразительное письмо — по нехватке запятых и сокращениям чувствуется, что у автора его плохо со зрением, но он собирается «проходить санскрит»! Любопытная ремарка о рисовании — В.М.Викентьев был в этой области почти профессионалом, несколько раз в Москве у себя на квартире, в доме у храма Христа Спасителя, устраивал «выставки 7», приглашая сотрудников Музея изящных искусств.

Б. А. Тураев — В. М. Викентьеву

Многоуважаемый Владимир Михайлович!

Мне было весьма приятно получить известие от Вас; Вы писали мне и летом, но Ваше письмо попало ко мне уже по окончании берлинского семестра, и я не мог ответить Вам, не зная Вашего московского адреса.

К сожалению ничего не могу ответить Вам на Ваши вопросы. Я почему-то никогда пирамидами не интересовался, и своего мнения не имею. О математико-астрономической стороне дела столько было в свое время наговорено всякого вздора, что приходится вообще относиться с осторожностью ко всяким подобного рода попыткам.

Пирамидами с археологической стороны в последнее время занимались достаточно и многие вопросы удалось выяснить удовлетворительно.

Вероятно ниже перечисляемые работы Вам уже достаточно известны, пишу на всякий случай.[...]

Статьи Borchardt'a в Zeitschrift für Aeg. Sp., особ. т. XXXV, XXXVI и сл. — чрезвычайно ценные наблюдения. Вообще поройтесь в последних двух декадах этого журнала. Есть ценные замечания в работах Borchardt'a по поводу памятников царей V династии (немецкие раскопки в Абусире) в серии «Wissenschaftliche Veröffentlichungen d. Deutch. Orient-Ges.-t» и в Mitteilungen этого общества. Советую Вам еще раз заглянуть в брошюру Bissing'a Der Bericht Diodors über die Pyramiden, Berlin 1901, и в книжечку Nissen'a Die Orientalien — Сфинкс вероятно современен пирамиде Хефрена (Хаф-ра); см об этом м. пр. у Erman'a Die Sphinxstele (Sitzungsber. Берл. Акад. 1904. XI).

Вот и все, что сейчас могу сообщить Вам, пользуясь средствами своей библиотеки; праздничное время не позволяет прибегнуть к услугам университетской и академической. Желаю Вам приятных праздников и счастливого Нового года. Не забывайте и впредь преданного Вам

23 XII 10

Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф.36, о. I, д. 396)

Следует заметить, что для многих египтологов проблема пирамид не представляет особого интереса, хотя их путь в науку мог начинаться именно с потрясения перед этим чудом света. Причина отчасти в том, что «пирамидология» совершенно оккупирована научно-популярными, и — увы — в еще большей степени — очень далекими от науки «специалистами», выбрасывающими в эфир и печать такое количество невероятной информации, что надо создавать отдельный большой институт египтологии, занимающийся рецензиями на эти постоянные «сенсации». И то, что писал о «вздоре» Тураев относится не только к математико-астрономической стороне дела. Подозреваю, что сейчас, когда египтология является уже почтенной по возрасту наукой, а стало быть, обросла огромной литературой, мы все чаще сталкиваемся с новым дилетантизмом. И если в XIX или начале XX вв., на этапе рождения науки этот дилетантизм был хоть чем-то оправдан (классический пример — раскопки Г. Шлимана в Трое), то сейчас он только засоряет мозги и смущает юные души. Поразитель-

но, но разнаряженный с помощью самых последних технологий дилетантизм привлекает значительно больше средств, чем реальная наука — там ведь пахать надо и результат неизвестен, а здесь — в любом случае эффектно потусуемса и о себе заявим.

Переписка с Викентьевым продолжалась и дальше, 6 его писем хранятся в Архиве Эрмитажа, но давайте сначала посмотрим, кто еще из учеников Тураева стажировался в Берлине. Кстати, сам Б. А. называет в 1918 г. только троих своими учениками — Волкова, Струве и Коцейовского³⁶. Думаю, дело не в том, что он выбрал лучших: для Тураева было важно, что они не только заявили о себе научными трудами, но и выступили «в качестве университетских преподавателей»³⁷. Заботясь о создании русской школы, Тураев прежде всего готовил себе смену.

Его любимым учеником был Иван Волков — бывший питомец Духовной Академии, прошедший затем университетский курс и берлинскую стажировку. 9 писем Волкова хранятся в Эрмитаже.

И. Волков — Б. А. Тураеву

Дорогой Борис Александрович!

Я приложил присланный Вами обрывок папируса к папирусу № 3164 Берлинского музея. Оказалось, что он так хорошо подходит к этому папирусу, что, несомненно, является его частью. Доктор Г. Мёлер нашел то же самое. Он попросил меня оставить ему присланную Вами копию с обрывка на некоторое время. Я не мог не исполнить его просьбы, и он продержал ее до сегодня. Он, между прочим просил меня передать Вам, не найдете ли Вы возможным произвести обмен этого обрывка на какой-нибудь из предметов Берлинского музея. Он шлет Вам свой привет.

В этом семестре Мёлер ведет занятия по иератическому тексту (в помещении музея). Хотя проходимое в его кружке большей частью знакомо мне, я принимаю участие в его занятиях. Мне очень нравится его палеографический анализ, на который Эрман как-то не обращает особенного внимания.

[Далее автор просит передать приветы Елене Филимоновне и сообщает, что навестил протоирея Мальцева в Тегеле.]

26 апреля 1912 г.

(Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 5).

И. Волков — Б. А. Тураеву

без даты, но по содержанию явно после предыдущего письма.

Дорогой Борис Александрович!

[...] Мои занятия здесь очень удовлетворяют меня. Никогда еще, кажется, я не был в такой степени охвачен чисто научной атмосферой, как эти месяцы своего пребывания в Берлине. Занятия у Эрмана, домашняя подготовка к ним, слушание некоторых других лекций, собирание материала для работы о Гатор [Хатхор — *О.Т.*], посещение Королевской Библиотека и Музея заполняют все мое время, которое поэтому идет очень быстро и незаметно. Вероятно, полная удовлетворенность своею работою служит причиной того, что я еще ни с кем решительно не познакомился здесь. В чтении иератического текста и в переводе вообще египетских текстов чувствую себя все более и более подвигающимся вперед, относительно же коптского языка могу даже сказать, что уже порядочно знаю его. Профессор Эрман, по видимому, доволен мною: по крайней мере, он делал мне замечания в этом смысле. Хотел попросить его черкнуть Вам два-три слова о том, как я занимаюсь, да не знаю, удобно ль это. Не так давно он пригласил меня вместе с другими своими слушателями на *Abendbrot*

³⁶ Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. С. 14.

³⁷ Там же.

(«ужин» — *О.Т.*). Среди других был египтолог Graw³⁸, который сказал мне, что хорошо знает Вас заочно, видел Вас на последнем Конгрессе историков в Берлине и слышал, что Вы издаете или намерены приступить к изданию папируса Salt; осведомляется на каком языке выйдет издание; сказал между прочим, что многие египтологи жалеют, что Вы большинство своих работ, а — *главное* — *работу о боге Тот* [выделено мной — *О.Т.*] издаете на русском языке. Профессор Эрман и его супруга осведомлялись о здоровье Вашем и Елены Филимоновны и просили передать Вам от них привет.

Среди текущего дня собираю также материал для работы о Гатор. Впрочем этому делу я пока не отдаюсь всецело, уделяя главную часть своего времени на чтение текстов.

Когда будете сообщать университетскому казначею мой адрес для пересылки мне денег, то будьте добры сказать ему, если только это удобно, — чтобы выслали мне деньги возможно скорее, без малейшей задержки. Я начинаю испытывать большие финансовые затруднения и с нетерпением жду открытия университетского кредита³⁹. [...]

Frau Muhs шлет Вам привет. [...]

Искренне уважающий Вас, Иван Волков.

(Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 7–8).

В еще одном недатированном письме из Берлина Волков описывает свои успехи в изучении арабского языка у Миттвоха и египетского у Эрмана и спрашивает совета: «Не направиться ли мне тогда в Страсбург к Шпигельбергу, если он будет вести занятия демотикой?» Также замечает: «В летнем семестре Эрман будет посвящать два часа в неделю ознакомлению с египетскими сокровищами музея» и упоминает о своей работе о «Гатор и богинях гаторного типа»⁴⁰.

И. М. Волков успел издать три небольшие монографии в русле научной работы проф. Тураева. В редактируемой им серии «Культурно-исторические памятники древнего Востока» Волков публикует «Законы вавилонского царя Хаммураби» (Вып. 1, М., 1914) и «Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р.Х. (Вып. 2, М., 1915). Главной — и увы — последней крупной его работой становится «Древнеегипетский бог Себек» — монография, безусловно ориентированная на «Бога Тота». В предисловии Волков пишет: «... считаю своим приятным долгом принести глубокую благодарность своему многоуважаемому учителю, профессору Борису Александровичу Тураеву за его незаменимое ученое содействие и нравственную поддержку мне как во всех вообще моих научных занятиях, так и при составлении настоящей книги». Также он благодарит Эрмана за разрешение ознакомиться с материалом готовящегося Словаря и на публикацию некоторых памятников Берлинского музея.

Тесно связана с описанием музейных подлинников, была, как уже говорилось, публикация переводов на *русский язык* наиболее характерных древних текстов. В I части редактируемого им и И. Н. Бороздиным «Изборника источников по культурной истории Востока, Греции и Рима» приняли участие ученики Тураева: Т. Н. Бороздина, В. В. Струве, А. Л. Коцейовский, И. М. Волков.

Об Александре Леопольдовиче Коцейовском известно еще меньше, а ведь он переводил и успел частично издать великое религиозное произведение древних египтян — Тексты пирамид (Одесса, 1917). Замечательно, что эта работа, давно ставшая библиографической редкостью, была переиздана под редакцией А. С. Четверухина. Об авторе перевода го-

³⁸ Г. Грапов (1885–1967) — известный ученый, ближайший помощник А. Эрмана по изданию Словаря египетского языка.

³⁹ О необходимости экономить Волков писал не раз, напр. — Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 16. По этой же причине и из-за диссертации он не смог поехать в Палестину в 1914 г. — там же, л. 12.

⁴⁰ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 9–11. Есть и другие письма Волкова — д. 142.

ворится только, что он «сгинул в вихре гражданской войны»⁴¹. В Архиве Эрмитажа сохранилось 28 его писем к Тураеву, а в ГМИИ — записка профессора с просьбой дать книгу Лепаж Ренуфа на несколько дней В. М. Викентьеву (есть и адрес А. Л. в Москве: Можайская 31, кв. 66.).

Наконец, третий из названных Тураевым учеников — академик Василий Васильевич Струве (1889–1965) — в 1907 г. поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета, и по окончании в 1911 г. был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. Среди своих учителей, по свидетельству его ученика Н. С. Петровского, прежде всего называл Тураева — от него он «не только приобрел знание древнеегипетских языков и видов древнеегипетской письменности, но и унаследовал необычайно широкий интерес к истории, языкам и культуре многочисленных народов древнего Востока»⁴². Одна из первых работ Струве — «Коптский папирус из коллекции проф. Тураева» (Христианский Восток, I, вып. 2, СПб., 1912, с. 207–211). В Архиве Эрмитажа — 11 писем к учителю.

В начале 1914 г. Струве был послан на стажировку в Берлинский университет, но пробыл там только несколько месяцев и вернулся в середине июля из-за начала 1-й мировой войны. Уже в 1916 г. он стал профессором, а с 1920 — после смерти Тураева — заведующим кафедры истории древнего Востока университета. Струве свято берег память об учителе, именно он упорно добивался публикации «Истории древнего Востока», а его статьи о Тураеве содержательны и человечны.

В Санкт-Петербургском Университете у Тураева учились акад. И. Ю. Крачковский (в 1905 окончил вост. ф-т), проф. В. К. Шилейко (в 1914 окончил вост. ф-т); чл.-корр. П. В. Ернштедт (в 1913 окончил ист.-филолог. ф-т) занимался коптским языком в 1913–1916 гг.

В 1913 г. Б. А. Тураев был приглашен преподавать на Московских Высших Женских (Бестужевских) курсах⁴³. Следует отметить, что в этом единственном в России женском университете преподавали многие выдающиеся специалисты того времени: И. М. Гревс, Ф. Ф. Зелинский, О. А. Добиаш-Рождественская, И. Д. Андреев, А. В. Карташев. Напомню, что еще в 1904 г. их окончила Н. Д. Флиттнер, а 1915 г. — Т. Н. Бороздина, о которой речь пойдет ниже, в 1917 г. — чл.-корр. Н. В. Пигулевская.

К сожалению, наша бурная история разметала многих учеников Тураева и не всегда позволяет восстановить достоверные о них сведения. Например, Е. Г. Кагаров упоминает некого В. В. Ершова, а Н. М. Постовская учеником Тураева называет Ф. Ф. Гесса, опубликовавшего несколько древнеегипетских памятников Эрмитажа, где он работал, умершего в 1922. У Тураева учился сын художника Ю. Н. Рерих.

Большую помощь Тураев всегда оказывал Викентьеву.

Б. А. Тураев — В. М. Викентьеву

Многоуважаемый Владимир Михайлович!

Ждал Вас в великий понедельник 1–2, как Вы писали, и не дождался [...] Простите, что теперь не сразу ответил Вам — масса дела. Вы меня спрашиваете о переводах Breasted'a или Schneider'a. Я вообще против переводов, которые завалили наш книжный рынок и не дают места оригинальным работам. Лучше попробовать дать что либо свое. В частности о Breasted. Что Вы думаете переводить — его или обработку Ранке? Я уверен, что и то, и другое выйдет скоро новым изданием; уже может и то, и другое не мешает подновить. Что касается Шнейдера, то я вообще против перевода этой талантливой, но парадоксальной книги.

⁴¹ А. С. Четверухин. Публикации, переводы и смысл Текстов Пирамид по высказываниям исследователей // Тексты пирамид. С. 364, прим. 48.

⁴² Петровский Н. С. Василий Васильевич Струве // Страны и народы Востока. Вып. VIII, 1969. С. 7.

⁴³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 26.

Перевод одного Египта Шнейдера неудобен и потому, что этот том только начало целой системы его... Во всяком случае, если уже необходимо переводить, то конечно Breasted имеет преимущество. Но ведь его история — только вывод из его четырехтомного собрания текстов. Как с этим быть? Вообще этот вопрос требует обсуждения. — Еду сейчас в Москву и пробуду до четверга.

7. V. 12

Преданный Вам, Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф.36, оп.1, д. 399)

Когда сестра сообщила Викентьеву об устройстве кафедры египтологии при Московском университете, он вернулся на родину и в 1915 г. окончил историко-филологический факультет с дипломом I степени, все это время консультируясь у Б. А. Тураева. Кафедра, к сожалению, открыта не была. В начале 1915 г. Викентьев стал Помощником Хранителя восточных коллекций, и уже конце года всерьез планирует экспедицию при штабе Кавказской армии по изучению и спасению древностей Армении и Персии⁴⁴. Как обычно, он обращается за помощью к Б. А. Тураеву, который пишет князю Щербатову. Приведу письмо полностью — эта позиция русского ученого актуальна и сейчас.

Тураев — Н.С.Щербатову

Ваше Сиятельство, глубокоуважаемый Князь Николай Сергеевич.

Беру на себя смелость обратиться к Вам по делу, близко касающемуся отечественных музеев и нашей археологии. Все тревожнее становятся известия о гибельных для памятников старины и искусства событиях в Армении и Персии. Разгром Вана уже совершившееся бедствие, уничтожившее в несколько дней нашего «культурного» века плоды тысячелетних цивилизаций. Не меньшая опасность грозит и со стороны персидской смуты, которая уже вызвала движение наших войск, занявших недавно другую столицу Мидии — Экбатаны, ныне Хамадан, и приближающихся к современной столице Персии, Тегерану, по-видимому расположенному на месте древних Раг мидийских. Долг нашей науки вообще, и Императорского Исторического Музея в особенности, принять на себя попечение о сохранении памятников искусства, письма и художественной промышленности в областях, ныне занятых нашими войсками, и спасти в них для наших музеев, что еще возможно спасти от неминуемой гибели. Не будем забывать, что агенты западных музеев, особенно Берлинского, и скупщики для частных коллекционеров Западной Европы и Америки давно уже хозяйничают на нашем Кавказе, в Армении и Персии, и в настоящее время усиленно скупают за безценок и увозят то, что должно составлять неотъемлемую принадлежность наших музеев, особенно Императорского Исторического, в задачи которого входит хранение памятников древне-восточного, армяно-грузинского и мусульманского прошлого Кавказа, культура которого тесно связана с примыкающими к нему Арменией и Персией. Если бы Императорский Исторический Музей взял на себя почин в этом великом деле, то его поручение мог бы, как я полагаю, исполнить В. М. Викентьев, Помощник Хранителя в Музее. Благодаря своим связям он мог бы при сравнительно скромных затратах приобрести значительное количество предметов: его занятия в России персидским искусством подготовили его с научной стороны для этой почетной миссии.

Примите уверения в моем глубоком почтении и преданности.

Глубоко уважающий Вас
Б. Тураев

Москва 12. XII. 1915

(Архив ГМИИ, ф. 4, оп. I, д. 101, л. 4-5).

Эта экспедиция не состоялась.

⁴⁴ Архив ГМИИ, ф. 36, оп. I, д. 329.

Б. А. Тураев иногда обращался к В. М. Викентьеву с просьбой помочь ему с покупкой билетов — он постоянно курсировал между двумя столицами, а, видимо, ситуация с билетами в России не зависит от властей. Причем, Тураев очень деликатен: «если у Вас найдется время», другие оговорки пересыпают текст просьбы. И часто — египтологическая приписка-совет по текущей публикации⁴⁵. А вот открытка от 15 марта 1916 г.:

Дорогой Владимир Михайлович!

Сердечно благодарю Вас за хлопоты и извиняюсь, что причинил их [речь идет как раз о билетах — *О.Т.*]. Не забудьте восстановить «наследного царевича» со ссылкой, что он обычно означает в эпоху Нового царства — я нашел целый ряд указаний. Пусть пришлют и мне корректуру комментария. Феникс есть и у Вилькинсона и у Эрмана. Если будете у Левенсона, напомните ему, чтобы он прислал мне проекты таблиц к описанию статуй нашего музея. Всего 12 табл. с 42 иллюстрациями.

Ваш Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф. 36, оп. I, д. 402)

Как редактор серии «культурно-исторические памятники Древнего Востока», Б. А. Тураев много сделал для первой научной публикации Викентьева — перевода с комментариями древнеегипетской сказки о двух братьях: он проработал всю корректуру, сделав ряд важных исправлений, порекомендовал куда разместить иллюстрации, какие подписи под ними сделать. Приведу маленький фрагмент письма об иллюстрациях:

Б. А. Тураев — В. М. Викентьеву
12.V.16

Дорогой Владимир Михайлович!

Наконец я в состоянии отправить Вам корректуру. Два дня возился с зубной болью и не мог заниматься, а тут еще множество других дел. Вот на чем я остановился в вопросе об иллюстрациях: [...]

3) На стр. 53 вверху будет ложе Осириса или бегающий бык. Если последний останется за порогом, его можно поместить над «оглавлением» или даже, оставляя на 48–49 по-старому, вставить его же на стр. 50. Но что тогда будет на стр. 25? О последней странице мы уже говорили.

Не совсем понимаю, что Вы хотите сказать на стр. 5. Как может лакуна, т. е. пропавшее место папируса уже в наше время, носить следы древних поправок? [...]

Не заменить ли «башню» чем-либо другим — напр. «высокий дом», «усадебу» и т. п. Дело в том, что это слово в яз. новоегипетских текстов получило более широкое значение и стало употребляться для отдельно построенного здания.

На конце отметьте откуда взяты рисунки, ибо у меня не отмечено. [...]

Кланяйтесь музейским. Поклон Вашей супруге.

Ваш Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф.36, оп. I, д. 403)

Трогательна открытка на ту же тему от 13 ноября 1916 г.:

Б. А. Тураев — В. М. Викентьеву

Дорогой Владимир Михайлович

Просматривая «Двух братьев» с ужасом увидел в оглавлении рис. 53 «Осирис на погребальной молитве» вм. «на погребальном ложе». И угораздило же на такую штуку! Т. к. экземпляры переплетаются постепенно, то м. б. перепечатаем последнюю страницу — ведь скандал!

Всего хорошего,

⁴⁵ Типичная открытка: Архив ГМИИ, ф.36, оп. I, д. 401.

13.X.16

Ваш Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф.36, оп. I, д. 405)

Видимо, правку внесли — по крайней мере, в моем экземпляре книги все верно. Викентьев старался учесть все замечания.

Б. А. Тураев — В. М. Викентьеву

19.XII.16

Дорогой Владимир Михайлович!

Не знаю, как и благодарить Вас за Ваш труд. Поздравляю Вас с началом музея Вашего кружка, коего библиотеки я здесь забочусь: отложил Христ. Вр., 5 томов Записок и еще кое-что. Опять принужден беспокоить Вас. Уже нельзя достать у нас билетов на 1 января [...]. Как мне ни совестно, но опять прибегаю к Вашей доброте помочь мне и этим. Хороших праздников. Поклон супруге.

Ваш Б. Тураев

(Архив ГМИИ, ф.36, оп. I, д. 408)

16 июня 1909 г. Б. А. Тураев произведен из коллежских в статские советники⁴⁶. Его наградные грамоты за 1904–1917 гг. хранятся в архиве Эрмитажа.⁴⁷ В 1918 г. ему присвоено звание академика.

В 1903 г. он жил на 15-й линии Васильевского острова, д. 2, кв. 1.

В профессорские годы — на 2-й линии Васильевского острова, д. 3, кв. 17⁴⁸.

Страна, где пребывает сердце мое

Особая страница жизни Тураева — поездка в Египет.

Видимо, воспоминания о путешествии по долине Нила были частой темой бесед Тураева с доктором Живаго. В последние годы жизни, постоянно навещаясь в Москву по музейным делам, Б. А. часто останавливался у Живаго. У последнего в его описании поездки по Нилу есть строки о домиках египтологов, построенных для удобства работы в непосредственной близости от памятников (впрочем, «отец египетской археологии» Фл. Питри порой обходился и без домика — в Гизе он жил просто в одной из древних скальных гробниц и ходил порой в одном белье, чем неизменно пугал случайных барышень-туристок, благо тогда — сто лет назад — не многочисленных). Как правило, А. В. Живаго умиляется и на скромные домики и на их помешанных на египтологии обитателей, но есть одно исключение: «В заботах о своих немецких ученых Вильгельм II в мавританском стиле отстроил в том же фиванском некрополе, чуть не в центре его, комфортный дом, бельмом, как и все его творения, торчащий среди совершенно для него неподходящей обстановки», и далее в примечании: «Эта совершенно неуместная постройка возмущала во время его пребывания в Луксоре и покойного академика Б. А. Тураева. Беседа с ним об этом, вскоре после окончания мировой войны, мы выражали надежду, что этот дом будет снесен с песков прославленного некрополя... Надежда наша, как известно, осуществилась»⁴⁹.

Подготовка экспедиции в Египет

Когда я прочла об этом впервые, меня как будто подбросило. Дело в том, что наши соотечественники бывали в долине Нила в качестве паломников, путешественников, собирателей древностей (подлинным профессионалом-коллекционером являлся В. С. Голенищев — в его коллекции нет фальшаков, уже тогда продаваемых чужеземцам, да так удачно, что ино-

⁴⁶ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8.

⁴⁷ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 17.

⁴⁸ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 6.

⁴⁹ Архив ГМИИ, ф. 20, оп. II, д. 27, л. 35–36.

гда «ловились» даже египтологи). Но за всю нашу многострадальную историю была только одна археологическая экспедиция в долину Нила, и то лишь благодаря широкой международной кампании, развернутой ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии в связи с пуском новой высотной Асуанской плотины, построенной при помощи СССР. Два сезона по 3–4 месяца в 1961–1963 гг. небольшая, но блестящая по составу археологическая экспедиция под руководством Б. Б. Пиотровского работала на крайнем юге страны⁵⁰. А ведь западные европейцы копают долину Нила с середины XIX века!

Может судьба нас вознаградила за долготерпение — в 1996 году Высший Совет Службы древностей АРЕ дал разрешение на проведение исследований в поразительном месте — в одной из скальных гробниц Гизы, у подножия великих пирамид. Уже 5 лет я участвую в работе этой первой Российской экспедиции в Египте⁵¹, поэтому сведения о планировавшейся осенью 1914 года экспедиции с участием Тураева для меня особенно ценны. Правда, целью экспедиции были не археологические изыскания, а покупка папирусов. Подобно В. С. Голенищеву, Тураева прежде всего волновали памятники древнеегипетской письменности.

Вот что сообщает А. В. Живаго: «Теперь, когда я пишу эти строки, мне невольно вспоминаются слова Б. А. Тураева, сказанные мне однажды: «Когда мы попадем в Египет, то в Музее и его библиотеке у нас всех будет много работы, затем мы побываем на новых раскопках. Я уже наметил ряд мест, из Луксора несколько раз съездим в великий фиванский некрополь и его Бибан-эль-Мулуksкое ущелье [= Долина царей — *О.Т.*], ну а отдохнуть будем в Абу-Симбеле, где побывать мне до сих пор не удавалось, я всегда жалел, что не видел этих выдающихся храмов Нубии». Так мечтали мы, беседуя о других памятниках великой страны, но мечты не сбылись, судьбе было угодно распорядиться иначе»⁵².

Сохранилась составленная Б. А. Тураевым «Записка о снаряжении экспедиции в Египет для покупки папирусов и об ассигновании средств на нее», представленная на VIII заседании историко-филологического отделения Академии наук 7 мая 1914 г.⁵³ Как пишет Живаго, «Проклятая война наложила свое вето»⁵⁴.

«Московский Египет» — Музей

В феврале 1908 г. проф. Тураев и ряд других ученых обратились в Академию наук с предложением приобрести коллекцию В. С. Голенищева для одного из русских музеев — оно возымело действие и Тураев вошел в созданную комиссию⁵⁵. В этой Записке Тураев очень убедительно писал об опасности для России, небогатой древневосточными памятниками, потерять собрание первоклассного специалиста, не жалевшего для ученых целей ни труда, ни материальных затрат. К ней присоединили свои голоса П. К. Коковцов и Н. П. Кондаков. 24 февраля на созванном по этому поводу экстренном общем собрании Императорского Русского археологического общества Тураев в частности сказал: «Выпускать из рук эту коллекцию не только невыгодно для нашей науки, но и обидно для нашего национального самосознания». Ему вторит М. И. Ростовцев: «И при таких условиях представляется случай одной, хотя и крупной затратой создать необходимый для наших культурных задач музей и вместе с

⁵⁰ Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.

⁵¹ Кормышева Э. Е., Томашевич О. В., Чегодаев М. А. Российская археологическая экспедиция в Гизе: сезоны 1996–1998 гг. (Предварительные результаты) // ВДИ, 2000, № 1. С. 160–182; Томашевич О. В. Первая Российская экспедиция в Египте // Российский кто есть кто. Журнал биографий. 1999, № 2. С. 47–50.

⁵² Архив ГМИИ. Коллекция XXXVIII, № 13. Дневник А. В. Живаго № 17. С. 380. Другая запись в Дневнике — Голенищев, с. 298.

⁵³ Милибанд С. Д. Труды академика Бориса Александровича Тураева // Древний Восток. Сб. 2. М., 1980. С. 51.

⁵⁴ Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912). М., 1987 (далее: Голенищев). С. 298.

⁵⁵ Голенищев, Записка с. 26–32, также 34–44. См. также: И. В. Цветаев создает музей. Сост. и комм. А. А. Демской, Л. М. Смирновой. М., 1995; Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 10.

тем спасти для России крупное дело русского ученого. Упустить такой случай для всех, кто любит наше просвещение и кому дорога наша культура, было бы больно и обидно». Общество единодушно поддержало Тураева.

Создатель Музея И. В. Цветаев познакомился с Тураевым в 1909 г. на II Международном конгрессе классической археологии в Каире, и сразу оба профессора прониклись друг к другу дружескими чувствами. Влюбленный в египетские памятники, Цветаев очень расположен к В. С. Голенищеву и Б. А. Тураеву, называя их «дорогими египетскими людьми». Из-за них Цветаев особенно волнуется об оформлении Египетского зала⁵⁶. Откровенно пишет Цветаев Тураеву о всяких препонах, а тот спокойно отвечает что-либо вроде: «Пробрать Чегодаева, Ушакова, Шварца [эти чиновники от науки здорово трепали Цветаеву нервы — его не стало уже в 1913 г. — *О.Т.*] конечно, благое дело, но едва ли что-либо в состоянии на них подействовать. Толстые шкуры! Я постоянно вспоминаю как наше пребывание в Египте, так и наши работы в петербургском Египте — в коллекции В. С. Предвкушаю наслаждение, когда она, наконец, будет водворена у Вас, и можно будет ее посещать...» (14.01.1911). Наконец, свершилось — Цветаев зовет Тураева принимать коллекцию и тот с удовольствием едет. За 2 недели они разобрали 225 ящиков... Благодаря Тураеву Музей приобрел и ценнейшие фотографии из коллекции Голенищева⁵⁷

И. В. Цветаев сделал все, чтобы именно Тураев стал хранителем его коллекции. К счастью, так и случилось, хотя для Тураева это было непростое решение. Очень интересно его ответное неофициальное письмо Цветаеву от 4 декабря 1911 г.:

«Многоуважаемый Иван Владимирович!

Получив Ваше лестное предложение, я прежде всего считаю приятным долгом выразить Вам сердечную благодарность за внимание и доверие, выказанные Вами к моим слабым силам, а также искренно признаться, что соединить свое имя с именем В. С. Голенищева и Музеем Изыщных Искусств я почел бы высокой честью. Быть первым описателем и хранителем таких сокровищ — счастье, выпадающее на долю не всякого и гораздо более крупного специалиста.

К сожалению, однако, все мы «человецы плоть носящие и в мире живущие», да и не только в мире, но и в XX веке, когда нельзя быть последовательным идеалистом и когда на решение вопросов идеального порядка неизменно влияют материальные и иные соображения. Приняв их все во внимание, я пришел к следующим выводам.

Кроме обязанностей профессора Университета, я состою еще в Петербурге членом Археологической Комиссии и членом Ученого Комитета при нашем Министерстве. Если первую должность еще возможно сохранить при поездках в Москву, то от второй придется отказаться. Я могу это сделать с легким сердцем и охотно променяю сидение на случайных заседаниях и писание малоинтересных докладов на любимое научное дело, но Уч. Ком. дает мне... 1000 руб., и от этой тысячи мои обстоятельства в данное время не позволяют мне отказаться. [Далее Тураев приводит расчеты своих трат.] Другими словами, все 125 рублей месячного вознаграждения будут поглощены переездами и проживанием; в выгоде окажутся железная дорога и московские гостиницы, на мою долю останутся ломка и утомление. За свой труд я не только ничего не получу, но более — лишусь 1000 руб. Уч. К-а. Кроме того и еженедельные поездки не могут не внести расстройств в весь распорядок моей жизни, мои занятия и далее — мое здоровье.

Таким образом, к глубокому сожалению, мне приходится ответить отрицательно. [...]]⁵⁸

Но Цветаев не сдаётся: в конце его следующего письма читаем: «Остальных Ваших условий в официальном Вашем письме Вы не упоминайте: все это будет устроено по внутреннему распоряжению Музея и согласно Вашему желанию.

⁵⁶ Голенищев, с. 99. С. 104–105.

⁵⁷ Там же. С. 120–121.

⁵⁸ Там же. С. 124–125.

И Тураев не смог отказаться. Начались его постоянные поездки в Москву. В конце 1911 года он пишет Цветаеву: «...Постараюсь быть полезен, насколько мне позволяют мои способности и силы. Думаю приехать 3-го, в день Нового Года не выехать, да и кондуктора пьяны».⁵⁹ Вскоре начнутся куда более серьезные проблемы...

Тураев приехал в начале 1912 г. для работы над первой экспозицией отдела Востока и Цветаев пишет Голенищеву: «И в такой-то мороз северные люди оказываются способными развивать в себе большую внутреннюю теплоту! Любо-дорого посмотреть теперь на Б. А. Тураева — какой горячей любовью проникнута его работа по разбору и расстановке предметов Вашего собрания. Он поселился в Музее, в непосредственной близости к Вашей коллекции, и занят их размещением с утра до вечера — с той безграничной любовью, которая отличает людей святых от грешных»⁶⁰. К открытию Музея выходят в свет путеводитель и первые редактируемые Тураевым и Мальмбергом выпуски «Памятников музея», где Тураев публикует «доисторическое блюдо», письмо эпохи Нового царства, поздние заупокойные папирусы. Эту работу он будет вести постоянно. Примечательно свидетельство И. В. Цветаева: «Тураев и Голенищев боятся, что с открытием музея немцы-египтологи явятся для фотографирования лучшего в коллекции и первые издадут в свет. Чтобы этого не случилось к стыду русской науки, Тураев и петербургские профессора предлагают услуги к изданию таблиц с краткими объяснениями на русском и французском языках»⁶¹.

Наконец, долгожданное торжественное открытие Музея 31 мая 1912 г.; были приглашены его мать и жена⁶². В работе «Памяти И. В. Цветаева» Н. Н. Клейн в 1947 г. вспоминает о колоссальном наплыве публики в только что открывшийся Музей («хвосты» по Волхонке до улицы Тимура Фрунзе!). Первые объяснения посетителям, а также «лекции специально для работников Музея» давали: И. В. Цветаев, В. К. Мальмберг, Б. А. Тураев, Н. А. Щербаков, А. В. Назаревский⁶³.

Пресса, как всегда, не заметила всех героев. Голенищев пишет Цветаеву 8 сентября 1912 г.: «... уже весной в одной из немецких петербургских газет я в дни открытия Музея вычитал, что удостоился Высочайшей благодарности, но я в то время не мог допустить мысли, чтоб это известие было верно, так как в сущности я не принимал никакого участия в устройстве Музея в Москве, да, кроме того, в той же газете ни словом не упоминалось о моем добром друге Борисе Александровиче Тураеве, положившем столько стараний на приведение в порядок моей бывшей коллекции. Поэтому я естественно предположил, что газета спутала меня — прежнего владельца собрания, с настоящим ее хранителем. Но теперь, по получении бумаг, я со смущением вижу, что газета по отношению ко мне не ошиблась, но тем не менее я убежден, что все же по отношению к Борису Александровичу она оказалась не вполне осведомленной и что труды моего дорогого коллеги были Министром вполне оценены и имя его раньше моего было упомянуто во всеподданейшем докладе!»⁶⁴

Тураев же много работает и счастлив. Он пишет Голенищеву 1 декабря 1912 г.:

Дорогой Владимир Семенович!

С радостью получил я от Вас строки, да еще с пути «в Египет, в Египет, в страну, которую я люблю». Как бы я полетел за Вами, подобно птицам Уну-Амона! [папирус с описанием путешествия Унуамона в Библии происходит из коллекции Голенищева — *О.Т.*] Радуюсь за Вас, что Вы опять проведете несколько блаженных месяцев и м.б. на этот раз не минуете земного и ученого рая — Луксора! Кланяйтесь нашей духовной родине от меня и ее обитателям, нашим духовным соотечественникам, начиная от скорченных предшественников Мины

⁵⁹ Там же. С. 128.

⁶⁰ Там же. С. 130.

⁶¹ Там же. С. 122; см. также интересное письмо Тураева Цветаеву по поводу просьбы Биссинга разрешить Баллоду каталогизировать фигурки Беса из коллекции Голенищева — там же, с. 133–134.

⁶² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 14.

⁶³ Архив ГМИИ, ф. 8, оп. IX, д.1, л. 27, об.

⁶⁴ Голенищев. С. 134.

до современного фараона — Кирилла V [т. е. от первого летописного царя до александрийского патриарха — *О.Т.*].

Что сказать о себе? Езжу регулярно в Москву — русский Египет благодаря Вам. Вам пришлось пережить тяжелый удар, расставшись с частью своей души, но да будет Вам утешением то, что Вы имеете возможность видеть при жизни, какие необычайные плоды принесла Ваша деятельность. Ни одна из громких египетских коллекций в мире не вызывает такого, не скажу интереса, а иступленного энтузиазма, как Ваша. Посетители в музей валят тысячами; путеводители раскупаются нарасхват — в два месяца продано 12 тыс. экземпляров. Ваше имя у всех на устах: египетский зал музея называют храмом, в который надо войти с трепетом и которому не место в общем здании музея.

У меня уже составился кружок молодых людей обоого пола, желающих заниматься иероглифами. С января думаю приступить к составлению полного каталога-инвентаря; начну с эпиграфических памятников.

Печатание 3 и 4 выпусков (вероятно опять соединим) идет; таблицы делаются [Памятники Музея Изыщных Искусств — *О.Т.*]. Войдут: дверцы, погребальные пелены, александрийская голова, поздняя женская статуэтка (где она приобретена?), финикийские предметы, одна из греческих ваз [...]. В этом сезоне Веселовский нашел на юге России маленькую пастовую фигурку Имхотепа. Думаю издать — находка редкая [см. Известия Археологической комиссии, вып. 49, СПб., 1913 — *О.Т.*] [...]»⁶⁵.

Имя одной из слушательниц Тураева восстанавливается легко — Тамара Николаевна Козьмина-Бороздина (1889–1959)⁶⁶ была одной из последних и любимых учениц Бориса Александровича Тураева. Она окончила сразу два отделения Московских Высших Женских курсов: историко-философское и истории искусств (в своем Curriculum vitae она пишет: «Специально работала по египтологии под руководством профессора академика Б. А. Тураева и по истории искусств под руководством профессора В. К. Мальмберга».).

Скорее всего, древностями она заинтересовалась под влиянием старшего брата — И. Н. Бороздина (1883–1959)⁶⁷. Еще студентом Московского университета, в 1907 г., он обратился к Борису Александровичу с просьбой о присылке книг и профессор откликнулся⁶⁸. А вскоре они вместе редактировали сборник «Древний Восток», включающий переводы наиболее характерных источников (М., 1915); И. Н. Бороздин являлся постоянным сотрудником журнала «Гермес», где иногда печатался Тураев. В Архиве Эрмитажа есть письма и брата и сестры Бороздиных к Тураеву⁶⁹. Памяти академика проф. И. Н. Бороздин посвятил несколько работ⁷⁰, а в 1922 г. его усилиями был организован I Всероссийский Съезд Египтологов в честь 100-летнего юбилея дешифровки иероглифов Ж.-Ф. Шампольоном.

Не исключено, что именно встреча с Б. А. Тураевым обусловила выбор юной девушкой сложной специальности. По воспоминаниям слушателей, его лекции были превосходны: он обладал не только обширными знаниями, но и редким даром «переносить» присутствующую

⁶⁵ Там же. С. 135.

⁶⁶ С. Д. Милибанд. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. М., 1995. С. 572; Памяти Т. Н. Бороздиной // ВДИ, 1959, № 4. С. 159–160; О. В. Томашевич. Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее Изыщных Искусств // Памятники и люди. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2003. С. 122–140.

⁶⁷ С. Д. Милибанд. Биобиблиографический словарь, кн. II. С. 185; К 75-летию профессора И. Н. Бороздина // ВДИ, 1959, № 1. С. 218–219; Памяти И. Н. Бороздина // ВДИ, 1960, № 1. С. 122. Перу этого ученого принадлежит более 400 публикаций, первая из которых появилась в 1903 г., когда он был еще студентом. Значителен вклад И. Н. Бороздина в изучение историографии: ему принадлежит фундаментальное издание «Биографический словарь членов Московского археологического общества», очерки о П. Н. Кудрявцеве, М. И. Ростовцеве, Б. А. Тураеве, Б. В. Фармаковском и др.

⁶⁸ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 265–276.

⁶⁹ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 122.

⁷⁰ Статья «Тураев» для Энциклопедического словаря Гранат (Т. 41, ч. 10, М., 1932, стб. 41–44); Академик Б. А. Тураев и русская наука // Вопросы истории, 1947, № 11. С. 80–84.

щих в мир давно ушедших древневосточных культур. Занятия по истории древнего Востока и египтологии Тураев по примеру О. Э. Лемма и берлинских коллег проводил прямо в залах, как свидетельствуют Отчеты Музея за 1913–1920 гг. и воспоминания его слушателей⁷¹. Тамара Николаевна принимала участие в этих лекциях и семинарах не только как ученица, но и как ассистентка профессора. Она пишет о своих занятиях египетским языком: «Я никогда не забуду этого удивительного руководства, полного глубины, желания всячески помочь и облегчить встречаемые трудности, а также глубокую радость, когда ученик справлялся со своей задачей. Все свои знания, свой богатый опыт Б. А. отдавал ученикам. Как искренно хлопотал он, чтоб добыть ту или иную книгу или какой-нибудь материал, необходимый для них»⁷².

Студентов влекли человеческие качества Тураева, и возможно, многие из них выбрали не столько специальность, сколько Учителя. В личном деле Бороздиной сохранился черновик письма, составленного Б. А. Тураевым, а затем отпечатанного за подписями его и В. К. Мальмберга, в котором оба научных руководителя просят перенести срок ее отчета за 1915 г. в связи с перенесенным ей плевритом. Студентка занималась «плодотворно и интенсивно» и заслуживала заступничества: по окончании Высших Женских Курсов Т. Н. Бороздина была оставлена для подготовки к профессорской деятельности (как Б. А. Тураев 25 годами раньше в Санкт-Петербургском университете).

Т. Н. Бороздина активно вовлекается в начинания Учителя. В 1913 г. он доверительно пишет ей: «В нашем зале я распорядился сделать перестановку на стендах Древнего царства из слепков, что уже исполнено; привешены к дверям железные ворота, так что зал теперь будет открываться. Хотел, наконец, повесить ассирийский барельеф, но пришлось от этого отказаться — один из лепщиков снова уехал во вторичный разрешенный ему отпуск, другой пребывает в очередном периоде пьянства»⁷³.

Б. А. Тураев придавал первостепенное значение работе по описанию коллекций, и его ученики постоянно этим занимались. В 1945 г. Бороздина вспоминала о счастливых годах молодости: «Работая в течение нескольких лет совместно с Борисом Александровичем, я всегда восхищалась его исключительным подъемом, когда он приступал к обследованию подлинника. Он как-то весь загорался творческим огнем [...] никогда не считался со временем, а отдавался целиком любимой работе, часами сидел над обследуемым памятником. Своих учеников Борис Александрович приучал к такому же серьезному отношению к научной работе и искренно радовался их успехам на научном поприще»⁷⁴.

В 1915 г. под руководством Тураева, заинтересованного в создании Христианского Отдела Музея, Бороздина составляет «особый карточный инвентарь» по этим памятникам. В 1916 г. она, вероятно, принимала участие в затеянном Тураевым разборе и приготовлении к печати иератических папирусов Египетского Отдела. В Отчете Музея за 1918–1919 гг. упоминается о завершении Б. А. Тураевым, Т. Н. Бороздиной и В. К. Мальмбергом описания саркофагов, ушебти, стел⁷⁵. Тогда же была принята на хранение в Египетский отдел коллекция древностей А. А. Пальникова. Изучались не только памятники Музея изящных искусств: сохранилась записка за № 518 от 25 декабря 1934 г. зам. директора Музея Антропологии при МГУ, сопровождавшая расшифровку иероглифической надписи на саркофаге Иусанх (21 династия), сделанную Б. А. Тураевым и Т. Н. Бороздиной. К сожалению, в записке не указано когда была произведена эта «расшифровка»⁷⁶.

⁷¹ Архив ГМИИ, ф.5, оп. 1, д. 60, л.2; д. 126, л. 17; д. 169, л. 25; д. 200, л. 30, 33; д. 355, л. 47 об.

⁷² Архив ГМИИ, новая коллекция XXXVIII, № 12 = Голенищев. С. 307–308.

⁷³ Там же. С. 302.

⁷⁴ Там же. С. 306–307.

⁷⁵ Архив ГМИИ, ф. 5, оп.1, д.169, л. 2–3, 25; д. 200, л.29; д.295, 325, л. 41.

⁷⁶ Архив ГМИИ, новая коллекция XXXVIII, д. 5, л.51.

Не все было включено в Отчеты Музея — Тураев гораздо лучше делал реальное дело, чем отражал его в планах и отчетах, и то же самое можно сказать о его ученице. Архивные материалы вообще подводят к мысли о том, что то и другое несовместимо по определению... Либо наших планов «громатье» и сверх всяких человеческих возможностей отчет, либо просто нормально делаемая рутинная работа, на которой не «сделаешь имя», но без которой Музей не может возникнуть и существовать...

В начале 1917 г. профессор Б. А. Тураев обратился в дирекцию Музея с письменным ходатайством о предоставлении Т. Н. Бороздиной должности ассистента или помощника хранителя Отдела египетских и восточных древностей, отмечая что фактически уже с 1913 года она исполняет эти обязанности⁷⁷.

Конец октября ознаменовался революционными событиями в Москве. В результате артиллерийской и ружейной стрельбы 26 октября – 3 ноября здание Музея было повреждено, перестали топить. Крайнюю обеспокоенность Б. А. Тураева судьбой драгоценной коллекции египетских древностей разделяла и его ученица. 5 декабря Комитетом по охране памятников искусства и старины был поставлен вопрос о возможном вывозе коллекции Голенищева в Исторический музей⁷⁸, но осуществлено это не было.

Трудно представить как в эти годы Тураев продолжал ездить в Москву. Забота о всемирно известной коллекции легла на плечи молодой женщины — с 3 августа 1920 г. она назначается и. о. зав. Египетским подотделом.

Фрагмент саркофага и две связки книг

Что поражает в трудах Тураева — его охват всей литературы по тому или иному вопросу. Причем, это не были просто ссылки для демонстрации своей учености, как, увы, довольно часто бывает (впрочем, отсутствие таковых, наверно, еще хуже). «Б. А. проявил громадную эрудицию в почти необозримой литературе о древнем Востоке, но эта литература не властвовала над его мыслью, он решал все проблемы на основании изучения самих источников»⁷⁹. Тураев о Голенищеве в очерке о русской науке о Древнем Востоке⁸⁰ Он «любовно отмечал» труды русских ученых — не только востоковедов, но и других — А. Н. Веселовский, Б. В. Фармаковский, Воейков, Зетцен (Струве 1948, № 2, с. 77).

Очень часто в различных документах и воспоминаниях Тураев является нам с связками книг (Живаго: пешком с Николаевского вокзала с фрагментом саркофага, парой каноп и книгами!) — он носил их на лекции для показа студентам, дарил различным библиотекам и музеям⁸¹. К нему постоянно обращались с просьбами о книгах — и он высылал их совершенно незнакомым ему людям! Например, начинающий тогда Ф. В. Баллод, написавший для получения магистерской степени работу о боге Бесе, просит книг для Саратовской библиотеки⁸². Е. Г. Кагарову Тураев послал литографический перевод грамматики Эрмана⁸³, Н. Мухину — лекции Болотова по истории христианской церкви. Он помогал книгами И. Н. Бороздину, В. Л. Максутову, Е. А. Пасыпкину и др.⁸⁴ Борис Александрович старался, чтобы библиотеки ушедших из жизни коллег не были рассеяны «ветром времени»: так, он помог В. М. Викентьеву для создаваемого им Музея-института классического Востока купить книги у вдовы О. Э. Лемма.

⁷⁷ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, д. 142, л. 3–4.

⁷⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, д. 3а, л. 57 об.; ф.5, оп.1, д. 240, 241, 271.

⁷⁹ Струве В., Флиттнер Н. Предисловие // Тураев Б. А. Классический Восток. Т. I. Л., 1924. С. 9.

⁸⁰ Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. С. 10–11.

⁸¹ В Архиве Гос. Эрмитажа хранится целая папка уведомлений о получении книг в дар от проф. Тураева — ф. 10, оп. 1, д. 15 (1902–1916 гг.).

⁸² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 108.

⁸³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 372.

⁸⁴ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 265–276.

Особой заботой Общества по изучению древних культур было создание Библиотеки, куда жертвовали свои книги и средства Б. А. Тураев, Викентьевы, А. А. Флоренский, Сабашниковы и другие⁸⁵. У Тураева был замечательный экслибрис: изображение древнеегипетской стелы человека, которого звали «Тураи»⁸⁶.

Общества

Профессор Б. А. Тураев сотрудничал с самыми разными научными обществами⁸⁷, причем, оказывая их работе подчас очень существенное содействие, он никогда не стремился быть «свадебным генералом», скорее наоборот, уклонялся и отказывался от всяких начальственных мест. Это хорошо видно по истории создания в Москве сначала Кружка (позднее Общества) по изучению древних культур, возглавить который ему неоднократно предлагали. Имена Тураева и его ученицы Т. Н. Бороздиной есть в списке гостей первого собрания Кружка, видимо состоявшегося благодаря стараниям В. М. Викентьева 4 июня 1917 г. на его квартире в доме у храма Христа Спасителя⁸⁸. На экстренном заседании Общества 7 июня 1920 г., созванном в память безвременно ушедшего приват-доцента Петроградского Университета Н. М. Волкова, академик Б. А. Тураев единогласно избирается его Председателем (заочно), В. М. Викентьев — товарищем Председателя, а Т. Н. Бороздина — членом Ревизионной комиссии⁸⁹. Но Борис Александрович всячески помогая Викентьеву, уклонился от «престола».

В 1912 г. Московское Общество по исследованию памятников древностей избирает Тураева Почетным членом⁹⁰.

По представлению Б. А. Тураева, в 1920 г. Т. Н. Бороздина была избрана научным сотрудником ГАИМК по разряду Археологии Классического Востока и работала в Восточной комиссии по вопросам египтологии⁹¹.

Много лет спустя, в 1945 г., для Бюллетеня Музея она подготовила статью «Б. А. Тураев и его музейная работа», где вновь обратилась к характеристике трудов Учителя, посвященных описанию древнеегипетских памятников. Для нас драгоценны ее упоминания о последних неопубликованных трудах Б. А. Тураева — возможно, что-то из них еще будет обнаружено в архивах. В этой статье Тамара Николаевна цитирует некоторые из его писем к ней⁹². Следовательно, эти письма «пережили» годы войны и, могут быть найдены. Когда она писала эту статью, то была уже старше своего рано ушедшего Учителя. В ее теплых словах о незабываемом Борисе Александровиче ощущается искреннее восхищение и любовь к этому действительно великолепному человеку.

В статье о Б. А. Тураеве Т. Н. Бороздина-Козьмина писала: «Я сама подпала в этом отношении под его влияние и грезил о нахождении и приобретении египетских подлинников. И вот Борис Александрович и тут пошел навстречу молодому энтузиазму. Никогда не забуду как в Ленинграде, куда я приехала, Борис Александрович повел меня в антикварный магазин, и там я приобрела свои первые египетские вещи: бронзовую кошку, небольшие фаянсовые и бронзовые статуэтки богов и несколько амулетов. Как мы оба были рады, возвращаясь с этой покупкой. При помощи Бориса Александровича мне удалось выписать из Каира

⁸⁵ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 4, оп. I, д. 105, л. 12.

⁸⁶ Петровский Н., Белов А. В стране Большого Хапи. Л., 1973. С. 385.

⁸⁷ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 12 — материалы об избрании Б. А. Тураева разными учеными обществами; д. 13 — извещения о заседаниях, лекциях, съездах.

⁸⁸ Архив ГМИИ, ф. 4, оп. 1, д. 96, л. 5.

⁸⁹ Архив ГМИИ, ф. 4, оп. 1, д. 96, л. 14.

⁹⁰ Архив ГМИИ, ф. 4, оп. 1, д. 43.

⁹¹ Архив ГМИИ, ф. 5, оп. 4, д. 142, л. 15.

⁹² Статья была напечатана под названием «Б. А. Тураев и его музейная работа» в сборнике документов // Голенищев. С. 300–310; полный текст: Архив ГМИИ, новая коллекция XXVIII, д. 12.

ряд подлинников древнего Египта, представляющих значительный интерес для частного собрания»⁹³.

О его страсти к египетским древностям пишет и другой московский друг Тураева — очень интересный человек с известной фамилией — доктор Живаго. Александр Васильевич (1860–1940) был профессиональным врачом и более 30 лет работал в знаменитой Голицынской больнице. Путешествия и древние культуры, особенно египетская, очень привлекали его с юности, причем он писал о своем увлечении так: «Не принадлежал я к числу тех, кто случайно заинтересовался этой страной»⁹⁴. Действительно, в 1910 г. он совершил путешествие в Египет до границы с Суданом. Из поездки Живаго привез древние памятники, сотни фотографий и диапозитивов и путевые заметки, ставшие основой фундаментального «Путешествия по Нилу до 22° северной широты». Эта рукопись поражает — талант, эрудиция, наблюдательность, прекрасный русский язык — не удивительно, что Тураев был «душевно расположен» к этому человеку⁹⁵.

Именно Тураев, а также директор Музея В. К. Мальмберг, архитектор Р. И. Клейн и реставратор В. Д. Сухов в 1915 г. предлагали Живаго занять должность ученого секретаря Музея, но семейные обстоятельства (тяжело больной брат) и скромность (должность занималась по профессорской баллотировке на университетском заседании) удержали доктора от принятия лестного предложения, что опечалило его гостей. В феврале 1919 г. предложение было повторено и принято, хотя и не без колебаний. Это было весьма своевременно, можно сказать, профессора спасли Александра Васильевича: «они снова посетили меня, голодного, холодного, без средств и без положения при новом советском режиме [...] и до слез обрадовали меня [...]. В больнице я уже не служил, сильно ослаб и исхудал (ноги плохо слушались — и это в 59-летнем возрасте), денег не было, жил на продажу кое-чего из вещей, скудно питаясь. Частной практикой я не занимался и прежде» (запись от 20.02.1919)⁹⁶.

При поддержке Тураева Живаго становится также лектором в Египетском и Ассирийском залах Музея — его экскурсии восхищали даже профессионалов. Он проработал в Музее всю жизнь и завещал ему свои коллекции. Только в 1998 г. труды и таланты А. В. Живаго были оценены по достоинству — в его честь в его родном Музее была устроена прекрасная выставка.

Страсть к коллекционированию древностей связывала его с Тураевым, который, часто приезжая в Москву, останавливался у Живаго на Большой Дмитровке. Процитируем Дневник: «Покойный дарил меня своим дорогим расположением, делился часто со мной самыми задушевными порывами и мыслями, ряд вечеров часами слушал он чтение моего путешествия по Египту, иногда др. работы. Помнится, как горячо взялся он за подыскание для меня примечаний к переводу моему прекрасной книги сирийца Алуфа «Баальбек» [...], сколько разъяснений по специальности давал мне покойный, с любовью перебирая часто памятники моего собрания. (Оригинальное совпадение — коллекция, лично приобретенная покойным, содержала те же 532 предмета, как и моя, с тою разницей, что Б. А. особую ценность придавал памятникам с обрывками надписей)⁹⁷. [...]

Повторю, ни разу не было, чтобы он не вынул из шкафа с моей коллекцией женскую голову Саисской эпохи, деревянный, очень древний женский туалетн. ящичек или дерев. фигуру идущего египтянина. С какой любовью к памятникам рассматривал он каждую вещичку

⁹³ Голенищев. С. 308.

⁹⁴ Гельман В., Ходжаш С. А. В. Живаго — врач, коллекционер, египтолог. С. 5 (Буклет одноименной выставки, состоявшейся в ГМИИ имени А. С. Пушкина в 1998 г.).

⁹⁵ Голенищев. С. 298, прим. «х». За возможность ознакомиться с этой замечательной рукописью в Архиве ГМИИ я благодарна В. Я. Гельману.

⁹⁶ Там же. С. 299.

⁹⁷ В этом вкусы Б. А. Тураева совпадали с пристрастиями В. С. Голенищева.

ку, не раз приобретая для меня в Петрограде то или другое, или давая мне адрес того или другого москвича, у которого он видел продававшиеся памятники»⁹⁸.

В 1911 г. Тураев в письме Цветаеву приглашает его к себе в гости — посмотреть на свою коллекцию.⁹⁹

1 декабря 1912 г. Тураев озабоченно просит Голенищева:

«...Черкните мне, дорогой Владимир Семенович, действительно ли нашему брату крышка относительно вывоза из Египта древностей? Правда ли, что прошли на этот счет строгие законы?.. Моя коллекция немного увеличилась».¹⁰⁰

Теперь коллекция Б. А. Тураева украшает Египетский зал Эрмитажа.

Для созданного Викентьевым Московского института Классического Востока Тураев рекомендовал купить у Г. В. Кучина 3 мумии крокодилов и 2 — птиц.¹⁰¹

В Эрмитажном архиве сохранились письма антикваров: А. А. Пальникова, Запорожского из Керчи, С. Т. Большакова из Москвы, а также открытка от В. Ернштедта от 1.02.1897 о том, что у Пападопуло-Красневса есть эфиопские рукописи на продажу (с дивной припиской: «Разговаривать с ним можно на разных языках, кроме языка Платона и языка Пушкина»)¹⁰².

Жить незачем, если отнята душа

В рукописях Тураева мрачные краски начинают преобладать с 1916 г., казалось бы, освещенного «душевным» празднованием 25-летия его и Жебелева научной деятельности и получением награды за «Историю Древнего Востока». Он пытается бороться, ревностно занимается церковными делами, но надежды на Церковный собор, заседаниям которого он отдал столько сил, рушатся. «С каким жаром, — пишет Жебелев, — отдался он в последние два года приходской работе, Богословскому институту! С каким трогательным умилением исполнял он обязанности старосты нашей университетской церкви! А когда по чьей-то злой воле и явному недомыслию приказано было прекратить в ней Богослужение, с какою ревностью стал он, как говорил, «строить» свою церковь в доме № 8 по Биржевой линии. И он «построил» ее и лелеял ее, и готов был всего себя отдать за нее. Минувшею зимою я сам видел, как он нес сам по набережной несколько поленьев в церковь».

Глубокая религиозность Б. А. Тураева — совершенно особая тема. Он был членом Церковного Собора (Поместного Собора Российской Церкви), лектором Богословского Института. В его архиве — список лиц, посещавших церковь Св. апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургском Университете¹⁰³. В письме И. В. Цветаеву Тураев пишет: «...я с удовольствием двинусь в оскверненную иезуитами и старообрядцами-униатами (!) Москву» (речь идет о приемке коллекции Голенищева)¹⁰⁴. Среди близких ему людей многие были лицами духовного звания. Любимый ученик — Иван Волков — был сыном священника и учился в Духовной семинарии.

Страшным ударом для Тураева стал арест 10 декабря 1918 г. отца Ивана Волкова¹⁰⁵. Вскоре (16.10.1919) не стало и самого Ивана.

Прервалась жизнь и другого ученика, которого Б. А. считал продолжателем своего дела — А. Л. Коцейковского. В 1919 г. Тураев потерял еще одного — он написал о нем Т. Бо-

⁹⁸ Голенищев. С. 298; почти то же Живаго писал в Дневнике в тот памятный для него день, когда он согласился работать в Музее (Там же. С. 300).

⁹⁹ Там же. С. 105.

¹⁰⁰ Там же. С. 135–136.

¹⁰¹ Архив ГМИИ, ф. 4, оп. 1, д. 69, л. 2.

¹⁰² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 143.

¹⁰³ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 22.

¹⁰⁴ Голенищев. С. 114.

¹⁰⁵ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, д. 142.

роздиной-Козьминой: «Умер молодой, высокоталантливый и симпатичный астроном М. А. Вильев, занимавшийся у меня Египтом и Абиссинией и уже сделавший несколько открытий и в своей области, и в нашей. Он сгорел в несколько дней от воспаления легких. До сих пор не могу прийти в себя от этой ужасной смерти — она стоит десятков. У покойного, еще не достигшего 30 лет, уже было более 100 печатных работ, европейское имя и необычайная скромность и благородство». Не стало также В. В. Ершова...

И. Ю. Крачковский с болью пишет в предисловии к публикуемой им статье Тураева о том, что многие из его учеников «покинули этот мир еще раньше своего учителя; другие пережили его не надолго»¹⁰⁶ и добавляет: «И в последние годы своей жизни Б. А. Тураев продолжал столь же интенсивно работать и писать, как и всю свою жизнь, но самому ему было суждено увидеть в печати только немного. Иногда *это подрывало его энергию, и он начинал смотреть на свои рукописи только как на черновые наброски, к которым придется еще вернуться* [курсив мой — О.Т.].¹⁰⁷ Боюсь, не случайно эта статья, написанная в 1918 г., называется: «Русская наука о древнем Востоке до 1917 года». И. Ю. Крачковский уже в третьем предложении своего предисловия замечает: «Как бы предчувствуя, что он стоит уже на пороге вечности, покойный историк Древнего Востока с эпическим спокойствием рассказал в своей статье не только о трудах своих предшественников, но и о себе самом». Свидетельски точная характеристика состояния души Тураева в год его пятидесятилетия...

Б. А. Тураев работал до последнего мгновения. Одна из его последних работ снабжена ремаркой от издательства: «Настоящая статья была закончена Б. А. Тураевым еще летом 1919 г., в ноябре того же года была представлена им для напечатания в Известия Академии и тогда же была предназначена для печатания в первом выпуске Известий. При возобновлении издательской деятельности Академии, в июне текущего года, статья была сдана в набор, но первая корректура была доставлена Б. А. Тураеву 22 июля, накануне его кончины, причем Б. А. выразил желание лично просмотреть первую корректуру».¹⁰⁸

Утром 23 июля он соборовался, а вечером его не стало. Последними словами были: «Отпустите, посмотрите, сердце, конец...».

В кругу питерских востоковедов бытует рассказ о смерти Тураева на даче в Удельной от сыпного тифа. Якобы несколько ученых, пытаясь спасти его, направили письмо к А. В. Луначарскому с просьбой выделить для выдающегося ученого лекарства и рис. Резолюция на письме, по свидетельству соседей по даче, была убийственна: «В настоящее время молодая Советская республика в египтологах не нуждается»¹⁰⁹.

Как ученый, Тураев попадал в 4-ю категорию лиц — их снабжали пайком в последнюю очередь, по остаточному принципу, и порой это было меньше, чем в блокаду!

Есть и другое свидетельство о причине смерти Бориса Александровича, причем принадлежит оно профессиональному врачу, или точнее сказать, доктору А. В. Живаго. В своем Дневнике он пишет (запись датирована 28 июля 1920 г.): «Сегодня на имя директора Музея, отправл. 23.VII., получена телеграмма с тяжелой вестью о кончине 23.VII. в 9 ч. академика Б. А. Тураева (52 лет). Эта скорбная весть ошеломила нас. Наука в лице Б. А. потеряла одного из виднейших мировых ученых, единственного нашего русского выдающегося востоковеда и, в частности, египтолога; музей — своего сотрудника, незаменимого заведующего отдела Классического Востока и главного хранителя драгоценной коллекции [...]

Коллекцию эту, приезжая в Москву, описывал и располагал он, Тураев, с особой любовью до последнего времени. Академия Петрограда и семья петроградских профессоров

¹⁰⁶ См. также предисловие Струве-Флигтнер к «Классическому Востоку». С. 7: «...созданную им школу, тоже когда-то многочисленную. Этой школе, ряды которой и после смерти Б. А. продолжали редеть...».

¹⁰⁷ Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года. С. 1.

¹⁰⁸ Тураев Б. А. Египетские рельефы с изображениями погребальных процессий Музея Изыщных искусств // Известия РАИМК. Т. I, № 9, 8 авг. 1920. С. 71.

¹⁰⁹ Вассоевич А. Л. Духовный мир народов классического Востока. СПб., 1998. С. 28–29, прим. 22; А. С. Четверухин. Публикации, переводы и смысл Текстов Пирамид по высказываниям исследователей. С. 364, прим. 48.

потеряла одного из виднейших своих товарищей. Я лично потрясен величайшим горем. Еще так недавно, уже заметно больной [здесь Живаго делает важную сноску: «Ни докторам, ни семье покойного не было известно то, что знал я: обследовав покойного однажды, я нашел у него надключичную саркому левой стороны, что подтвердил мне потом, вызванный не без хитрости и осмотревший его, друг-хирург П. И. Постников, нашедший случай неоперабельным»] и истощенный, какие-нибудь 3–4 недели назад, прибыв в Москву с целью поработать в Музее (а последние годы он останавливался у меня), он пришел ко мне пешком с Николаевского [Ленинградского — *О.Т.*] вокзала, неся в руках около пуда книг и приобретенный для меня в Петрограде головной конец деревянного египетского саркофага.¹¹⁰

И далее: «О дизентерии (?), последней его болезни, его горячо любившая его супруга Елена Филимоновна написала еще недавно задержавшемуся по дороге в Тифлис брату, проф. Григ. Фил. Церетели, что врачи теперь уже не боятся за хороший исход болезни Б. Ача. И вдруг сегодня такая скорбная весть!»

Здесь автор делает примечание, являющееся на наш взгляд более важным свидетельством: «Пропало, к сожалению, письмо Елены Филим., адресованное на имя В. К. Мальмберга [...], о том, как любил ее покойный Боря Музей изящных искусств и работу свою в египетском подотделе, что он последнее время не раз говорил, что жизнь незачем, когда отнята душа, подавлен дух и оставлен человеку “один желудок”»¹¹¹.

Кончина Тураева всколыхнула многих — думаю, не так много было ученых, чей уход ознаменован таким количеством некрологов, причем — и в том заслуга Тураева-человека — не дежурных, написанных по трафарету, ибо так положено для уважения академического статуса покойного. Горе было таково, что люди не могли молчать и пытались сказать то, что вряд ли говорили Борису Александровичу при жизни. Поразительно, но когда дело касалось Б. А. Тураева, люди становились удивительно честны и откровенны.

22 октября 1920 г. московская секция Академии истории материальной культуры совместно с Музеем устроила заседание памяти Тураева, на котором выступали с докладами его друзья, ученики и коллеги¹¹².

Он похоронен в знаменитом некрополе Александро-Невской Лавры. К этому святому для русских востоковедов месту меня водил в далеком уже 1980 г. Игорь Владимирович Виноградов, преподаватель ЛГУ, египтолог, к сожалению, в силу несчастливых обстоятельств не реализовавший свои знания в многочисленных трудах. Зато то, что опубликовано — и прежде всего его лекции по Египту в «Истории древнего мира»¹¹³ — превосходная, очень живая работа, дающая представление о его огромном даре Учителя. Игорь Владимирович великолепно знал памятники культуры России, прежде всего, северной столицы, и водил своих студентов на экскурсии в Пушкин и другие «египтологические» места. По его словам, Тураева похоронили в могиле его любимой бабушки, некогда водившей его в Берлинский музей. На могиле уже стоял памятник с камнем и крестом над ним. Возможно, это был лучший вариант из тех, что предлагали суровые послереволюционные годы. Круг замкнулся.

Правда, с надписью на могиле Тураева вышел курьез: она была сделана только в 70-е годы и Комиссию по установке памятной плиты возглавлял Борис Борисович Пиотровский. Мы способны заблудиться и в трех соснах — скромная надпись на положенной на могилу плите гласит:

Тураев

¹¹⁰ Голенищев. С. 297. Об этом Живаго пишет и в своей рукописи о путешествии в Египет, причем замечает, что кроме фрагмента антропоидного саркофага и книг Тураев принес еще 2 канопы — довольно крупные сосуды для вынимаемых при мумификации внутренностей. — Архив ГМИИ, ф. 20, оп. II, д. 27. С. 456, прим. 1.

¹¹¹ Голенищев. С. 298, прим. «х».

¹¹² Архив Гос. Эрмитажа ф. 10, оп. 1, д. 5.

¹¹³ История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероной, И. С. Свенцицкой. Т. 1. Ранняя древность. М., 1982.

Борис Борисович
востоковед
1868 г.–1920 г.

Так сплелись имена двух выдающихся людей нашей науки. В начале 80-х предполагалось издать избранные труды Б. А. Тураева в серии «Памятники исторической мысли», Б. Б. должен был быть ответственным редактором огромного тома, но в силу разных обстоятельств это издание не состоялось. Замечательно, что издательство «Нева» методично восполняет эти вопиющие лакуны, печатая работы Тураева.

Ученики воздвигли ему памятник нерукотворный изданием его трудов:

Конец 1920 г. — Египетская литература. Московское издательство Сабашниковых сочло своим «долгом почтить память покойного, приложив к книге портрет ее автора и краткие биографические о нем сведения» — честь им и хвала. К сожалению, не увидел свет вроде бы уже набранный в типографии 2-й том этого труда, содержащий переводы художественных произведений Древнего Египта.

В 1920 г. в книге «Литература Востока» (Вып. 2, Пб. С. 128–167) были опубликованы 4 его статьи о египетской, коптской, абиссинской и финикийской литературах.

В Петербурге же в 1921 г. в I выпуске Известий Российской Академии истории материальной культуры вышли «Египетские рельефы с изображением погребальных процессов Музея изящных искусств» и «Papyrus Prachov в собрании Тураева».

В 1922 году питерское издательство «Огни» — увы, без всякого предисловия — в количестве 2000 экз. опубликовало самую вдохновенную работу Тураева — «Древний Египет».

Странно, но только в 1922 г. в VI т. «Христианского Востока» увидел свет некролог «Оскар Эдуардович Лемм (1856–1918)», где Тураевым дана общая характеристика отечественных работ по Египту того времени (Пг., 1922. III вып. С. 325–333).

В августе 1922 г. в Москве состоялось удивительное событие – I (и последний в нашей истории) съезд египтологов, приуроченный к столетнему юбилею дешифровки иероглифики Ж.-Ф. Шампольоном. «Над всей работой съезда незримо витал дух отца русской египтологии, покойного академика Б. А. Тураева. С первого момента открытия съезда это имя с теплым чувством прозвучало во вступительной речи проф. И. Н. Бороздина, в приветственных словах директора Музея изящных искусств В. Г. Гиацинтова, отметившего с удовлетворением, что первое заседание I съезда русских египтологов происходит в стенах музея, в котором протекала главная работа покойного Б. А. Тураева во время его частых наездов в Москву».

Т. Н. Бороздина-Козьмина приняла живейшее участие в организации съезда и сделала два доклада «О научной деятельности египетского подотдела Музея Изыщных Искусств при Гос. Моск. Ун-те» и «Египтология в России», где главное внимание уделила работе своего великого Учителя. Резолюция 3-го дня фиксирует решения съезда: «Изыскать средства к скорейшему и полнейшему опубликованию литературного наследия покойного академика Б. А. Тураева»; «Признать крайне желательным скорейшее издание биографии Б. А. Тураева. Составление ее поручить его ближайшей ученице Т. Н. Бороздиной-Козьминой». К сожалению, этой работе не суждено было увидеть свет, но появились другие. В заметке о съезде И. Франк-Каменецкий констатирует: «Обсуждение деловых вопросов обнаружило как разнообразие научных интересов, так и полную готовность участников съезда к согласованной взаимно-дополняющей работе и общее стремление к объединению вокруг славной памяти основателя русской египтологической школы — покойного академика Б. А. Тураева»¹¹⁴.

¹¹⁴ Бороздин И. Первый съезд русских египтологов // Новый Восток. Кн. 2. М., 1922. С. 543–551; Франк-Каменецкий И. Первый съезд русских египтологов // Восток. Кн. 2. М.–Пг., 1923. С. 126, 129–130; Бороздин И. Первый съезд русских египтологов // Новый Восток. Архив ГМИИ, ф. 4, оп. 1, д. 16, л. 3.

Тамара Николаевна свято берегла память об Учителе, собирала его письма и связанные с ним документы. По воспоминаниям жены В. К. Мальмберга, она взяла письмо Е. Ф. Тураевой, в котором говорилось как Борис Александрович любил Музей и его сотрудников (это был ответ на выражения соболезнования, присланные ей из Москвы по поводу смерти Б. А. Тураева)¹¹⁵.

В 1922 г. в журнале «Жизнь» Т. Н. Бороздина-Козьмина опубликовала статью «Посмертные работы акад. Б. А. Тураева» (№ 3. С. 101–112), а в 1923 — «Развитие египтологии в России» (Новый Восток. Кн. 3. М., 1923. С. 342–361).

Дополнение к статье Бороздиной о посмертных работах Тураева дает И. Ю. Крачковский в заметке для журнала «Восток» (Кн. 3. М., 1923. С. 166–167), указывая на статью: «Коптские рукописи Азиатского Музея Российской Академии Наук» (Известия Российской Академии Наук, 1920, № 8–11. С. 427–440), некролог О. Э. Лемма и ждущие публикации другие работы. В заключение он подчеркивает: «Достоинство русской науки, в которой Б. А. Тураев занимал одно из первых мест, хотя должным образом был оценен только после смерти, настоятельно требует скорейшего опубликования всего его наследия. Особенно необходимо это теперь, когда восстанавливается научная связь с Западом, где его работы всегда встречали живой интерес и отклик».

Памяти академика И. Н. Бороздин посвятил несколько работ¹¹⁶, а много лет спустя, в 1945 г., для Бюллетеня Музея Т. Н. Бороздина-Козьмина подготовила статью «Б. А. Тураев и его музейная работа»¹¹⁷.

В конце 1924 г. В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер удалось издать подготовленное Тураевым к печати 3-е издание его «Классического Востока», снабдив его кратким, но очень ценным по содержательности и честности предисловием (вышел только т. I).

В 1927 вышел историографический очерк «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года» (Л., с предисловием И. Ю. Крачковского).

Наконец, в 1935–1936 гг. под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева была переиздана эпохальная «История Древнего Востока» Тураева в 2 томах (Л., 1935).

И в 1936 — «Абиссинские хроники. XIV–XVI вв.» под ред. И. Ю. Крачковского (М.-Л., 1936). По словам редактора, этот труд был особенно дорог Тураеву, «так как в этих произведениях он справедливо видел высшее проявление литературного творчества Абиссинии, которым она могла гордиться перед средневековой Европой» (Восток, Кн. 3, М.-Пг., 1923).

Небезынтересно проследить, как менялась в советской историографии оценка научной деятельности Тураева. В статье 1947 г. «Проблемы истории древнего Востока в советской историографии» (ВДИ, 1947, № 3. С. 17–41). В. В. Струве воспекает Тураева как знаменитого русского историка, автора классических работ, противника расовой теории и модернизации, критика модной теории панвавилонизма, издателя памятников и хранителя голенищевской коллекции. Без всяких оговорок он называет себя и других востоковедов представителями школы Тураева, тщательно перечисляет его основные труды. Струве подчеркивает «горячую любовь Тураева к родине», которая «делала ему близкой историю древнего Востока и Востока вообще». Встречаются такие пассажи: «Уже Б. А. Тураев подчеркнул, что «изучение великого прошлого наших окраин — наш долг и перед ними и перед наукой. Указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова, поставивших перед историками нашей страны в качестве самой актуальной задачи создание подлинной истории народов СССР...» (с. 23). Очень трогательно подмечено: «...было необходимо и опубликование того, что осталось из научного наследия скончавшегося в 1920 г. Б. А. Тураева, который лишь после Октября стал

¹¹⁵ Голенищев. С. 298, прим. «х».

¹¹⁶ Статья «Тураев» для Энциклопедического словаря Гранат (Т. 41, ч.10, М., 1932, стб. 41–44); Академик Б. А. Тураев и русская наука // Вопросы истории, 1947, № 11. С.80–84.

¹¹⁷ Голенищев. С. 300–310; полный текст: Архив ГМИИ, новая коллекция XXVIII, д.12.

академиком» (с. 21). Имя Тураева не раз звучит в этой статье и всегда в положительном контексте.

Название другой статьи В.В.Струве, опубликованной в № 2 ВДИ за 1948 г. весьма многозначительно: «Б. А. Тураев — крупнейший историк древнего Востока» (с. 74–83). С присущим Струве блеском, более подробно, чем в работе 1947 г. охарактеризовано научное наследие Б. А. и лишь три предложения в двух маленьких последних абзацах упоминают о «методологических пороках» «Истории древнего Востока». Полагаю, что правильно поступили редакторы сборника «Древний Восток», посвященного памяти Б. А. Тураева, перепечатав статью Струве в качестве заглавной.

1947 или 1948. Кафедра истории древнего мира Исторического ф-та МГУ и Восточный отдел Музея изобразительных искусств организовали специальную сессию памяти Тураева, где выступили проф. В. И. Авдиев («Труды академика Тураева по истории древневосточной культуры»), проф. В. В. Павлов («Академик Б. А. Тураев как историк египетского искусства»), Т. Н. Бороздина («Академик Б. А. Тураев и музейная работа» — доклад, основанный на личных воспоминаниях), был также оглашен доклад проф. И. Н. Бороздина, который не мог лично приехать («Акад. Б. А. Тураев и русская наука»). В заключение с личными воспоминаниями выступил проф. Т. И. Райнов (ВДИ, 1948 № 2. С. 168).

Совершенно иначе выглядит статья В. И. Авдиева «Изучение истории древнего Востока в Советском Союзе (ВДИ, 1957, № 3. С. 13–27), где во второй фразе говорится о широкой известности трудов Голенищева, Тураева и Никольского, а далее: «Но только после Октябрьской революции советские ученые получили полную возможность отдать все свои силы плодотворной работе...». Получили и отдали. Впрочем, в написанном Авдиевым университетском учебнике указаны все основные достижения Б. А. Тураева, хотя в итоге он назван «типичным буржуазным востоковедом» (История древнего Востока. 2-е изд., М., 1953. С. 156–157), а в последнем издании 1970 г. формулировки еще больше смягчены в пользу Тураева (с. 129). В коллективном труде кафедры истории древнего мира МГУ, вышедшем в 1979 г. уже под редакцией В. И. Кузищина, Авдиев, называя Тураева выдающимся русским египтологом, ограничивает его вклад созданием школы египтологов и лишь вскользь упоминает о его «Истории древнего Востока» (с. 21). Слава Богу, уже в следующем издании, 1988 г. и в последнем, 1999 — в главах В. И. Кузищина — это досадное недоразумение исправлено, хотя работе Э. Мейера уделено больше внимания, и это после всего написанного Струве о превосходстве нашего отечественного ученого над последним (с. 21). Нет пророка, и, видимо, никогда не будет...

В капитальной работе «Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.)» (М., 1961) Н. М. Постовская отдает должное «подлинному отцу русской исторической школы в изучении древнего Востока», подробно перечисляет опубликованные после революции работы как самого Тураева так и его учеников. (с. 9–21)

В 70-е годы в связи с 250-летием Академии наук возбуждается интерес к корифеям отечественной науки и в Институте востоковедения появляются два сборника «Древний Восток», посвященные 75-летию акад. М. А. Коростовцева и памяти Б. А. Тураева (М., 1975, 1980). Тураевский сборник открывается перепечаткой статьи В. В. Струве 1948 г. Следующая принадлежит М. А. Коростовцеву, который по окончании гимназии писал Б. А. Тураеву о своем интересе к египтологии. Революционные вихри, а затем и смерть Тураева оборвали эту переписку — много позже Коростовцев будет учиться у В. В. Струве и Ю. Я. Перепелкина. Его статья, по его собственному признанию, затрагивает только некоторые аспекты широкой и разносторонней деятельности, для детального описания которой понадобился бы целый том. Полагая, что «История древнего Востока» Тураева превосходит труды Э. Мейера и Г. Масперо, Коростовцев соглашается и с некоторыми другими оценками, данными Струве и Снегиревым — редакторами советского издания (великая эрудиция Тураева, его владение древневосточными языками, осторожность в выводах), но главное внимание уделяет критике их положений. С характерным для Коростовцева умением четко сформулировать свои идеи, он определяет Тураева как прагматиста, иногда — в силу полной

непредвзятости и исключительной добросовестности — «стихийно приближающегося к положениям исторического материализма». Называя Тураева «первоклассным знатоком египетской и других древневосточных религий и крупным специалистом в истории коптской и эфиопской церкви, Коростовцев впервые после 20-х годов затрагивает замалчиваемую и «непопулярную» в советское время тему. «Нам известно, что лично Б. А. Тураев был близок к церковным кругам и верующим человеком. Однако это обстоятельство несколько не мешало ему быть объективным и глубоким исследователем древневосточных религий... И в этом отношении он многое дал науке. И после цитаты из Маркса просто дивный пассаж — «Б. А. Тураев в религиозных учениях древневосточных народов искал проявления гуманности, и в этом обвинять его было бы вряд ли правильно (выделено мной — О.Т.), ибо он искал их как раз в «самосознании и самосочувствии человека», человека древневосточного» (с. 24).

Вот что, на мой взгляд так влечет к Тураеву (об этом писал в далеком 1910 г. профессор Цветаев молодому Викентьеву в Берлин), не только тех, кто знал его лично — великий гуманизм. Отсюда и его отношение к коллегам и ученикам, преимущественный интерес к духовной жизни и отсутствие расовых и прочих предрассудков.

Думаю, Коростовцев искренне считал, что «Б. А. Тураев отдал всю свою жизнь науке». Хотелось бы знать, что он, попавший в свое время из Египта в лагерь, чувствовал, читая цитируемые им строки Тураева, кои сопровождал следующей ремаркой: «С глубокой горечью писал он (Тураев) о том, что русская наука о древнем Востоке во времена царизма находилась в жалком положении: “Русский ученый, посвятивший себя исследованию судеб древневосточного мира, был поставлен в условия менее благоприятные сравнительно с теми, в каких находятся ученые в Западной Европе, где уже успели сознать важность изучения Востока не только с чисто научной, но и с политической стороны, благодаря чему у европейского ученого образовались под руками прекрасные коллекции рукописей, надписей и вещественных памятников, постоянно пополняемых результатами новых экспедиций, щедро субсидируемых правительствами и самим обществом”»¹¹⁸.

В статье И. С. Кацнельсона о Тураеве, как историке южных периферийных стран древнего Востока, отмечено, что академик первым включил этот регион в историю древнего Востока, но в «общих определениях и характеристиках все же отталкивался от распространенных тогда в западноевропейской историографии суждений», что приводило к «непоследовательности и противоречивости оценок... Там же, где он анализировал факты самостоятельно, идя непосредственно от источников, его выводы и заключения были объективны». Столь же сдержанная оценка работ Тураева содержится в написанной Кацнельсоном заметке о Тураеве для Большой Советской Энциклопедии (Т. 26. М., 1977. С. 319).

М. В. Райт посвятила статью вкладу Тураева в мировую эфиопистику. Констатируя, что он впервые в России опубликовал большое количество эфиопских рукописей, она замечает, что «к нашему стыду, не все еще ценнейшие его переводы вовлечены в научный оборот» (с. 36). Далее исследовательница описывает труд Тураева об агиологических источниках истории Эфиопии, подчеркивая, что отдельные его части не утратили значения до сего дня. Но и она «вынуждена отметить», что Тураев «идеализировал этих святых и преувеличивал их роль в истории Эфиопии» (с. 38). Важно, что М. В. Райт показала, что работы Тураева по эфиопистике, «составившие прочный фундамент русской науки», тотчас по выходе их в России переводились и издавались в Италии, Франции, Германии¹¹⁹.

¹¹⁸ Коростовцев М. А. Борис Александрович Тураев // Древний Восток. С. 25 (цитата из: Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. I. С. 5). Кстати, этой цитаты нет в несколько сокращенном, но более раннем варианте той же статьи, о существовании которого почему-то не упоминается в сборнике — ср. ВДИ, 1974, № 2. С. 110–114 (с подзаголовком: «О стиле работы ученого»).

¹¹⁹ Райт М. В. Вклад Б. А. Тураева в мировую эфиопистику // Древний Восток. С. 41.

Завершает памятную часть сборника составленный С. Д. Милибанд список трудов Б. А. Тураева по годам и Personalia.

Как видим, Тураев не стал запрещенным автором, хотя — и об этом писали — как «последовательный идеалист по своему мировоззрению и глубоко религиозный человек по убеждениям — был весьма далек от исторического материализма. Более того, многое представлялось ему в революции неприемлемым»¹²⁰.

Прекрасно, что петербургское издательство «Нева» нарушило затянувшееся молчание одного из лучших голосов нашей науки. «Египетская литература» и «Древний Египет» были недавно переизданы, а теперь выходит и магистерская диссертация великого Мастера. Уверена, его книги станут любимыми для многих. Как университетский преподаватель, настойчиво рекомендую их студентам. Прошел век — пылинки для трехтысячелетней истории древнего Египта, но очень насыщенная для России эпоха. Современная египтология достигла многого, но работы Тураева не отброшены временем, а продолжают сиять подобно писаниям Тота, «которые и теперь не утратили своей магической силы, освещая нам прошлое великого народа и перенося не в мрачное Аменти, а в светлую среду его жизни и культуры».

Москва, жаркий июль 2001 г.

Искренне Ваша,
Ольга Томашевич.

P.S. Данная работа — более полный, но не вполне мной самой отредактированный вариант Послесловия, опубликованного в Приложении к «Богу Тоту». К сожалению, работа готовилась в страшной спешке (издательские сроки), а потом еще быстрее подверглась сокращению уже в белую питерскую ночь. Чудом она вообще сохранилась — в ночь, точнее под утро перед выездом в северную столицу, ноутбук пшикнул и погас.

В прошлом году из Питера пришли чудовищные вести: могилы Тураева больше нет. В России все возможно. Пережить годы разграбления Александро-Невской Лавры, чтобы быть снесенным для установки могучего надгробия какому-нибудь «герою» нашего времени (размером с площадку для вертолета) — как Вам такая судьба памятника?

Весной 2004, после Египтологических чтений, прекрасно устроенных А. О. Большаковым в Эрмитаже, мы (А. Г. Суцеский, М. А. Чегодаев и я) отправились на поиски. У Собора, где мы сначала принялись искать могилу, очень много гробниц исчезло, как будто никогда и не было. На некоторых сохранившихся белой краской нанесены крестики, явно не предвещающие ничего для них хорошего (когда наступит их «Варфоломеевская ночь»? Или, наоборот, отмеченные будут сохранены?)

День был восхитительный, солнечный, теплый. И мы нашли. Могила, действительно, недалеко от Собора, но на Никольском кладбище! Когда старые листья и венки (сердечное спасибо принедем им) были убраны, разъяснилась причина недоразумения: с могилы сняли плиту с именем Б. Б. (sic) Тураева — вероятно, для исправления надписи. Остался памятник с крестом («Александра Николаевна Нейяръ, урожденная Калугина»). Под одним венком лежали поминальные свечи.

Кафедру истории Древнего Востока на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета все чаще называют «Тураевской».

¹²⁰ Древний Восток. С. 4.